

Ольга Александровна Павлова

Жизнь Константина Дмитриевича Ушинского в письмах, воспоминаниях, дневниковых записях, документах

Для изучения жизни и трудов великого русского педагога и наставника Константина Дмитриевича Ушинского имеется огромный свод источников, исследований и литературы. Однако особую ценность имеют его дневники, письма, а также его собственные воспоминания, из которых ясно складывается образ славного подвижника на поприще народного просвещения, создания русской народной школы и научной российской педагогики. Несомненно, большой интерес представляют и воспоминания об Ушинском его современников. Но собственные его письма, документы, а также дневники составляют бесценное сокровище для всех почитателей его педагогических трудов и его светлой памяти.

Воспоминания о детстве и обучении в Новгород-Северской гимназии

Константин Дмитриевич Ушинский родился в Туле 19 февраля (4 марта н. ст.) 1823 года¹. Его детство и отрочество прошли в небольшом уездном городе Новгород-Северске на берегу реки Десны. Об этом периоде жизни К. Д. Ушинский писал в своих «Воспоминаниях»²: «Домик моего отца находился за городом и в местности гористой и очень живописной. Мать моя умерла, когда мне не было ещё 12 лет, а отец по смерти матери почти не жил дома, так что жил я один с меньшим братом моим в том хуторке, куда никто не заглядывал... Из хутора я ежедневно должен был ходить в гимназию».

«Воспитание, которое мы получили в [18]30-х гг. в бедной уездной гимназии маленького городка Малороссии Новгород-Северска, было в учебном отношении не только не ниже, но даже выше того, которое в то время получалось во многих других гимназиях. Этому много способствовала страстная любовь к науке и несколько даже педантическое уважение к ней в покойном директоре Новгород-Северской гимназии, старике профессо-

---

¹ Эта дата зафиксирована в заявлении его матери и в документах отца, хранящихся в Государственном архиве Тульской области.

² *Ушинский К. Д.* Воспоминания об обучении в Новгород-Северской гимназии // *Ушинский К. Д.* Собрание сочинений: В 11-ти тт. — Т. 11. Материалы биографические и библиографические. — М. -Л.: Изд-во АПН РСФСР, 1952. — С. 45–58.

ре, имя которого известно и учёной литературе, — Илье Фёдоровиче Тимковском. Мир праху твоему, почтенный старец! Твоим нелицемерным, продолжавшимся до гроба служением науке, твоим благоговейным уважением к ней и твоею постоянною верою в другую, гораздо более высшую святую ты посеял в сердцах своих воспитанников такие семена, которые да поможет им Бог передать своим детям и воспитанникам. Искренние учёные стремления и глубокие религиозные убеждения, соединявшиеся в незабвенном Илье Фёдоровиче, имели сильное влияние на гимназию. Почтенный старик, переходивший беспрестанно от Горация и Вергилия к Библии и от постовых молитв, которые он сам читал в кругу гимназистов, к цитатам из Тацита и Цицерона, был и в то время явлением не совсем обыкновенным, а ныне даже очень и очень редким. Вот почему во время Ильи Фёдоровича Тимковского воспитанники Новгород-Северской гимназии отличались на экзаменах во всех университетах.

Между нами жило, мы и сами не знали почему, какое-то благоговейное уважение к науке и к тем немногим учителям и даже товарищам, которые ревностно ею занимались. Умение переводить трудные места Горация или Тацита было патентом на всеобщее уважение. Такого ученика 7-го класса знали даже довольно оборванные мальчуганы первейшего (т. е. приготовительного) класса, смотрели на него с уважением и произносили его имя как имя какого-нибудь Гумбольдта. Другие предметы были слабее, а новые языки, по неимению ни хороших преподавателей, ни хороших руководств, шли очень плохо. Старик директор появлялся в гимназии редко, но его появление было каким-то страшным судом для воспитанников, хотя, надобно заметить, он, кроме первейшего класса, нигде не дозволял употребления розог.

Но, несмотря на замечательную личность директора, несмотря на то, что Новгород-Северская гимназия была одною из лучших в то время, если теперь припомнить всё, что могла дать она прилежнейшим из своих учеников, то нельзя не сознаться, что всё это было весьма не обширно. Хорошо уже и то, что у большей части учеников были любимые предметы; но вообще учение далеко не достигало той полноты подготовительных сведений, которой можно и должно требовать от гимназии. Мы узнавали только кое-что то из той, то из другой науки, но любили и уважали то, что узнавали, и это уже было много. Плохие тощие учебники и отсутствие всяких педагогических сведений в преподавателях всего более были причиной такой неполноты сведений, потому что при хорошем учебнике и благоразумной методе и посредственный преподаватель может быть хорошим, а без того и другого и лучший преподаватель с такими редкими способностями и таким рвением к делу, которые трудно предположить в человеке, ограничившемся скромною учительскою карьерою и скудным учительским жалованьем, долго, а может быть и никогда, не выйдет на настоящую работу.

Что же касается собственно до воспитательной части, то она даже едва ли существовала в то время.

Новгород-Северская гимназия помещалась за городом, в ветхом старом здании, постройка которого относилась ещё ко временам Екатерины II или чуть ли ещё не далее. Длинное, низенькое, ветхое, почерневшее здание со своей скверной, украшенной флюгером будочкой наверху, в которой качался неугомонный колокольчик, походило, по мнению окрестных помещиков, более на паровую винокурню, чем на храм науки: окна в старых рамах дрожали, подгнившие полы, залитые чернилами и стоптанные гвоздями каблуков, скрипели и прыгали; расколовшиеся двери притворялись плохо, длинные старые скамьи, совершенно утратившие свою первоначальную краску, были изрезаны и исписаны многими поколениями гимназистов. Чего-чего только не было на этих скамьях! И ящички самой замысловатой работы, и прехитрые, многосложные каналы для спуска чернил, и угловатые человеческие фигурки, солдатики, генералы на лошадях, портреты учителей, бесчисленные изречения, бесчисленные обрывки уроков, записанных учеником, не понадеявшимся на свою память, клеточки для игры в скубки, состоявшей в том, что гимназист, успевший поставить три креста сряду, драл немилосердно своего партнёра за чуб. Старые, почерневшие портреты героев екатерининского времени в старых, источенных червями, рамках качались на стенах, украшенных обрывками обоев. Плохо было это здание; но мне жаль его, как жаль первых и живых снов своей детской жизни. Теперь оно заменено прекрасным, каменным, но дай Бог, чтобы внутренность его настолько же улучшилась, насколько улучшена внешность.

В самой гимназии тогда никто не жил, кроме двух учителей и трёх или четырёх стариков инвалидов, служивших при гимназии сторожами. Всё же учебное стадо, и овцы, и пастыри, являлись в гимназию два раза в день, утром и вечером, на время уроков, а потом шумно рассеивались по маленькому, но живописному городку, залитому садами, разбросанному по небольшим горам, прихотливо изрезанным рвами, на красивом берегу Десны.

А стадо было немаленькое! В 30-х гг. считалось в Новгород-Северской гимназии, если не ошибаюсь, более 400 учеников; а в первом классе были даже и ученицы, грязные, оборванные девочки, расплывшиеся теперь донельзя за прилавками новгород-северских лавок. В низших классах бывало до того душно, что какой-нибудь новенький учитель, ещё не привыкший к нашей гимназической атмосфере, долго морщился и отплёвывался, прежде чем начинал свой урок. Старик же Яков Яковлевич, о котором уже не в первый раз упоминается в печати, как кажется, очень любил эту атмосферу и если называл нас копшуками (т. е. мешочками), то более с удовольствием, чем с гневом. Небольшая часть из этого числа гимназистов принадлежа-

ла самому Новгород-Северску; остальные собирались из губернии, и не только из той, где находится Новгород-Северск, но даже из двух или трёх соседних. Для бедного городка, в котором едва ли можно было насчитать в то время до 200 домиков, и то большею частью жидовских лачуг, гимназическое население в 400 душ было источником главнейших выгод. Не было почти ни одного христианского домика, где бы не жило 6, 7, а иногда и 10 паничей, как звали нас жители Новгород-Северска. Шопа³, что-то вроде деревянной беседки с претензиями на греческий храм, стоявшая посреди вечно грязной площади, процветала в то время. Торговки в синих халатах и островерхих головных платках, заседавшие на ступенях этого храма, нарочито для гимназистов приготавливали неимоверное количество бубликов, маковников, шишек, орехов, арбузных семечек и прочего лакомого снадобья.

Надзора за квартирной жизнью всего этого огромного количества детей со стороны гимназического начальства не было решительно никакого, если не считать весьма редких и quasi-неожиданных нашествий инспектора на какую-нибудь квартиру, раскурившуюся уже до того, что дым валит из окон, или где (увы!) счета из винных лавочек оказывались уже слишком длинными. Но осторожные хозяева, боясь потерять квартирантов, устраивали по большей части дело так, что инспектор оставался с носом. Гувернёров сначала не было ни одного, а потом хотя и появились один или два, но такие, что лучше бы их не было. В самой гимназии до прихода учителей, как и в киевской бурсе, описанной Гоголем, устраивались различные воинственные игры, оканчивавшиеся иногда весьма порядочным побоищем. Если же партия шалунов или ленивцев оставалась иногда без обеда в гимназии, то, несмотря на то, что у оштрафованных отбирались фуражки и снималось по сапогу, не унывала. Под боком был высокий тенистый монастырский сад, где между двумя рядами могил росли старые ветвистые яблони и груши, а чтобы перелезть через высокий деревянный забор и в случае внезапного нападения монахов быть свободнее при отступлении, то для этого снимался и остальной сапог.

Иногда устраивались преинтересные флотилии на соседней громадной луже, причём бывало не без купанья; ученики же постарше бегали иногда и в слободку, расположенную за монастырём, славившуюся весёлостью своих обитателей и ещё более обитательниц. Весной отправлялись в огромные извилистые рвы, изрывшие меловые окрестности Новгород-Северска; там росла чудная земляника, там же я и сотни подобных мне брали первые уроки в курении табаку из очеретового чубука и глиняной или меловой самодельной трубочки... В гимназии мы ещё подвергались какой-нибудь дисципли-

---

³ Малороссийское название балагана или лавки на базаре.

лине, поддерживаемой палями⁴, стоянием на коленях, квалифицированным вместо гороха дресвой из песочниц, или ночёвкой в избе сторожа-старика, тёршего табак на весь город и готового за гривенник на всякую услугу заключённому, но за стенами гимназии мы решительно предоставлены были самим себе и случаю.

Но после такого описания нашей гимназической жизни вы вправе спросить: что же я нашёл в ней хорошего и почему так выгодно отозвался об её направлении? Но я пишу не похвальную речь Новгород-Северской гимназии, а просто рассказываю нашу гимназическую жизнь с её светлыми и тёмными сторонами. Прежде я сам смотрел на неё не совсем благосклонно, но, познакомившись впоследствии ближе с настоящими учебными заведениями и в губерниях и в столицах, встречаясь потом в жизни с воспитанниками самых разнообразных заведений и определяя характер общего типа, данного им воспитанием, я убедился, что в Новгород-Северской гимназии 30-х гг. было действительно много хорошего посреди немалого количества дурного. Впоследствии я узнал, что в иных огромных детских казармах, где всё так вылакировано, вычищено, всё блестит и сверкает, всё хвастливо кидается в глаза своей обдуманностью и порядком, где дети находятся ежеминутно под бдительным надзором неусыпных начальников, украшенных за свою бдительность всеми возможными отличиями, заводятся между детьми те же пороки, которые водились и между нами в бедных лачугах Новгород-Северска, только эти пороки принимают здесь ещё более характер повальных болезней, тщательно скрывааемых, но не искореняемых начальством. Случалось мне видеть и такие заведения, где, несмотря на собрание лучших столичных преподавателей, презрение к науке было предметом хвастовства для воспитанников; и такие, где пятнадцатилетний мальчик уже видит за учебником истории или географии класс, чин, место и рассчитывает своё прилежание по выгодам будущей службы; и такие, где мальчики, ещё плохо читающие по-русски, уже с математической точностью, сделавшею бы честь любому воеводе передового полка, считаются чинами и породой своих батюшек, дядюшек и тётюшек и где один воспитанник подаёт другому руку после глубоких соображений, но в которых, несмотря на аристократичность направления, водилось и пьянство, и повальный школьный разврат, и даже прорывалось воровство и клевета. Насмотревшись на всё это и встречая часть молодых людей, кончивших курс в каком-нибудь значительном учебном заведении, и кончивших с отличием, но у которых не было не только ни малейшей любви к какой-нибудь науке, но которые презрительно отзывались о своей учебной жизни, о своих профессорах и даже вообще об учёности, учёных и науке, как предметах, необходимых

---

⁴ На малороссийском наречии — удар линейкой по ладони.

в неизбежной комедии детства, но вовсе излишних и даже неприличных в практической жизни; когда мне попадались безбородые юноши, ещё не совсем твёрдо знающие, в каком веке жил Карл Великий, но уже кощунствующие над святыней Отчизны... — о! тогда я оценил по достоинству и постовые молитвы покойного Ильи Фёдоровича, и наше уважение к одам Горация, и нашу любовь к учителю истории, и нашу гордость своими маленькими сведениями, и почтительный страх, который овладевал нами при слове университет!

А воля, а простор, природа, прекрасные окрестности городка, а эти душистые овраги и колыхающиеся поля, а розовая весна и золотистая осень разве не были нашими воспитателями? Зовите меня варваром в педагогике, но я вынес из впечатлений моей жизни глубокое убеждение, что прекрасный ландшафт имеет такое огромное воспитательное влияние на развитие молодой души, с которым трудно соперничать влиянию педагога; что день, проведённый ребёнком среди рощи и полей, когда его головой овладевает какой-то упоительный туман, в тёплой влаге которого раскрывается всё его молодое сердце для того, чтобы беззаботно и бессознательно впитывать в себя мысли и зародыши мыслей, потоком льющиеся из природы, что такой день стоит многих недель, проведённых на учебной скамье. Толстые каменные стены учебных заведений больших городов, детские кровати, поставленные необозримыми рядами, жизнь по колокольчику или барабану, толстый швейцар у дверей — этот неумолимый цербер детского ада, вокруг — камень и железо, железо и камень, не только без малейшего обрывка зелени, но даже без куска земли, наверху — кусок вечно закрытого неба, внутри — то гробовое молчание, то официальный гул, в котором исчезает всякая личность, повсюду сердитые аргусовские глаза купленного надзора, повсюду форма и чинность, вечная чистка и лакировка — всё это веет на меня какой-то безвыходной тоской, какую-то мучительной бессмыслицей, я бы, кажется, не прожил и месяца такую жизнь!

Это впечатление до того сильно во мне, что раз, когда мне случилось во время моего студенчества попасть в больницу и мне отвели номерную койку, мне казалось в бреду, что меня из человека сделали номером и употребляют в каких-то мучительных математических вычислениях. Грёзы мои ночью и тоска днём обратили внимание добряка доктора, и он объявил, что я не могу выздороветь в больнице. В самом деле, я начал поправляться только с того дня, когда меня взяли из больницы.

Конечно, такое направление есть отчасти особенность, зависевшая от врождённых инстинктов и обстоятельств моего детства, и если скажу здесь несколько слов об этих обстоятельствах, то только потому, что состояние детства глубже всего может изучить человек на самом себе и что заглянуть

в душу ребёнка можно, только живо припоминая своё собственное детство и свои первые детские впечатления.

Новгород-Северская гимназия, как я уже сказал, стояла за городом... Прекрасное местоположение, богатое самыми живыми и разнообразными ландшафтами, огромный старый сад, изрытый переполненными зеленью оврагами, рано могли развить во мне любовь к природе... Зимой, особенно в сильные морозы, бегать ежедневно в гимназию в плохой шинельке с книгами и тетрадями было довольно тяжело, но ни мороз, ни метель, ни снег никогда не могли удержать меня в городе, где бы я мог найти пристанище. Не ночевать одной ночи дома было для меня сильнейшим наказанием, и раз, когда за какую-то неисправность один из учителей, живших в гимназии, хотел оставить меня на воскресенье у себя, то я так плакал, так рвался и приходил в такое отчаяние, как будто меня приговорили к смертной казни. Варвар учитель не сжалился, и я не могу выразить той подрывающей тоски, какую я испытал в тот вечер, слушая его игру на флейте и вой подтягивающей ему собаки. Звонкий хохот учителя после каждой ужасной рулады пуделя-артиста мучил меня невыносимо. Я не мог заснуть ни на минуту и наутро, после долгих борений, не выдержал и убежал — убежал затем, чтобы только прийти до дому и снова воротиться в гимназию.

Но как оживлялась и наполнялась впечатлениями жизнь моя, когда приближалась весна: я следил за каждым её шагом, за каждой малейшей переменной в борьбе зимы и лета. Тающий снег, чернеющий лёд реки, расширяющиеся полыньи у берега, проталины в саду, земля, проглядывавшая там и сям из-под снега, прилёт птиц, оживающий лес, шумно бегущие с гор ручьи — всё было предметом моего страстного недремлющего внимания, и впечатления бытия до того переполняли мою душу, что я ходил как полупьяный. Но вот и снегу нет более, и неприятная нагота деревьев в саду заменилась со всех сторон манящими таинственными зелёными глубинами, вот и вишни брызнули молоком цветов, зарозовели яблони, каштан поднял и распустил свои красивые султаны, и я бежал каждый раз из гимназии домой, как будто меня ждало там и невесть какое сокровище. И в самом деле, разве я не был страшным богачом, миллионером в сравнении с детьми, запертыми в душных стенах столичного пансиона? Какие впечатления могут дать им взамен этих живых, сильных, воспитывающих душу впечатлений природы?! После уже будет поздно пользоваться ими, когда сердце утратит свою детскую мягкость, а рассудок станет между человеком и природой. Странно, что воспитательное влияние природы, которое каждый более или менее испытал на себе, которое с такой живостью выражается почти в каждой вымышленной и истинной биографии, так мало оценено в педагогике. Если бы люди, располагающие судьбой детских поколений, яснее припоминали своё собственное детство, то, вероятно бы, столичные учебные заведения,

вместо того чтобы более и более скопляться в столицах и больших городах, мало-помалу переводились бы в лучшие местности страны. Знаю, что многое можно сказать: затруднения устройства учебных заведений вне городов, но знаю также, что все эти затруднения ничто в сравнении с тою воспитательною и гигиеническою пользою, которая может произойти для детей от такой перемены.

Но сказавши о благодетельном влиянии жизни с природою на воспитание дитяти, я не хочу умолчать и о том дурном влиянии, которое имеет на ребёнка исключительность такой жизни. Слишком большое уединение, в котором я проводил большую часть времени своего дома, длинные, более чем полуторачасовые прогулки в гимназию и назад по пустынным кручам Десны, в соединении с несколькими десятками путешествий и романов, которые я прочёл в библиотеке отца, оставленной на наш произвол, слишком рано и сильно развили во мне мечтательность. В голове моей мало-помалу создался целый мир полузаимствованных, полуоригинальных образов, которые очень удобно размещались в окружающем меня уединении и по прекрасным ландшафтам Десны и нашего сада, но в которых не было ничего общего с тою жизнью, которая встречала меня в гимназии, в кругу учителей и товарищей и в немногих знакомых домах, где я изредка появлялся. В голове моей, особенно когда я медленно, шаг за шагом брёл из гимназии, сплетались целыми месяцами и даже годами длинные и сложные фантастические истории и самые дикие романы, в которых, конечно, я был героем. Само собою разумеется, что большая часть этих фантазий была воинственного содержания, но иногда они принимали странный аскетический характер. Воинственные предания Новгород-Северска, осада его самозванцем, защита Басмановым, участие в Шведской войне, множество преданий удалого казачества, ясные остатки укреплений — всё это, перемешанное с вальтер-скоттовскою историей Наполеона и с множеством воинственных повестей, послужило мне к созданию длинной, нескончаемой истории, которою я несколько лет сокращал свою длинную дорогу. Местность бралась тут же, и моя фантазия работала над нею. Полуразрушенные валы возобновлялись, там и сям поднимались зубчатые стены и высокие башни, тихий монастырь, господствующий над окрестностями, превращался в неприступную цитадель...»⁵

---

⁵ Воспоминания К. Д. Ушинского об обучении в Новгород-Северской гимназии остались незавершёнными.

Московский университет

В 1840 году по окончании Новгород-Северской гимназии Константин отправился в Москву, успешно сдал экзамен и поступил на юридический факультет Московского университета. В своём рассказе «Первый приезд в Москву» Ушинский так писал о впечатлениях, которые произвела на него столица:

«Выпускной гимназический экзамен окончен; аттестаты в руках — пора собираться в университет. Трое из нас выбрали отдалённый университет — Московский. Почему? — Трудно решить: какое-то неизъяснимое очарование скрывалось для нас в слове Москва. Нанят троичный извозчик, — мы были недостаточно богаты, чтобы ехать на почтовых, — отслужен напутственный молебен. Я плакал горько, прощаясь в первый раз с родимым гнездом, но в этих слезах было какое-то и отрадное чувство: широкий мир, о котором столько мечтали, наконец, открывался перед нами!

Мы ехали дней 12. Мценск показался для нас хорошим городом, Орёл и Калуга — громадными, красивыми городами для нас, не видевших до того времени ничего лучшего Новгород-Северска. Но что же должны были мы почувствовать, когда наш ямщик, выезжавши обыкновенно до света, когда мы ещё крепко спали в кибитке, разбудил нас, говоря: „Не хотите ли, господа, взглянуть на Москву!“ Сон слетел с нас в одну минуту, и мы, стоя на передке, смотрели во все глаза, смотрели и не понимали: неужели это один город обхватил пол-горизонта!

Москва ещё была верстах в 30 от нас, едва виднелась в светлом утреннем воздухе, а верхушки церквей и колоколен ярко блестели своими золотыми главами, видны были — и впереди, и направо, и налево, составляя громадный полукруг..

Но мы не думали тогда об объяснении оптического явления; сердца наши бились сильно; глаза не могли оторваться от очаровательной, давно ожидаемой нами картины, и мы машинально следили за громадной рукавицей ямщика, который показывал нам не без гордости золотые маковки, называл церкви, монастыри: Симонов монастырь, Донской, Кремль, Иван Великий — отдавалось в наших ушах и трогало в душе какое-то глубокое, святое чувство. Все эти имена звучали для меня чем-то близким, родным и вместе с тем чем-то неизъяснимым, таинственным и чудным: в раннем детстве, дремля в углу дивана, я слышал все эти имена в разговорах моих родных и на каждое из них детская фантазия отзывалась живым ярким образом, который, конечно, мало соответствовал действительности.

С этого же места в 12-м году, говорят, Наполеон в первый раз увидел Москву. Какой гордостью должно было наполняться сердце завоевателя,

которому отдавался во власть этот громадный, отдалённый город — самая древняя из европейских столиц! Но не чувствовал ли он тогда, что она, эта блестящая золотыми маковками столица, станет гробом его великой армии и его могущества?..

Кибитка наша тронулась, Москва скрылась из виду, и нам казалось, что мы никогда не дотащимся на своей, уже утомлённой тройке... Но вот и застава. Кибитка наша застучала по городской мостовой, и мы, очарованные, оглушённые столичным шумом, поражаемые разнообразием и новостью всего, что видели, — потонули в океане монастырей, церквей, садов, дворцов, домов. Кибитка наша шныряла из улиц в улицу, из переулка в переулок, и мы с удивлением смотрели на нашего возницу, который был как у себя дома в этой перепутанной сети улиц и переулков, и доверили ему вполне выбор гостиницы. Мы остановились где-то неподалёку от Сухаревой башни.

Не медля ни минуты, как только были внесены наши вещи в номер, развязал я свой чемодан, достал бельё, платье и через четверть часа выходил уже за ворота.

— Куда это, барин, так торопишься? — спросил меня наш ямщик, отпрягавший лошадей.

— В Кремль, голубчик Иван: Кремль хочу посмотреть!..

Не буду рассказывать вам, какое впечатление произвели на меня — и Сухарева башня, куда поднимается вода, чтобы потом выглянуть красивым фонтаном на московских площадях, и блестящие магазины Кузнецкого моста с саженными стёклами, и громадный театр, засмотревшись на который я чуть не потерял фуражку, и Охотный рынок, где по моему тогдашнему мнению собралась ярмарка, и часовня Иверской Божией Матери, вся блестящая свечами, золотом и драгоценными камнями, и Китай-город со своим громадным Гостиным двором, в котором одном мы нашли больше лавок, чем в пяти губернских городах, и прекрасный памятник спасителям России — Минину и Пожарскому, — не буду рассказывать, потому что все эти впечатления изгладились перед тем, что я почувствовал, оставив тряские дрожки и войдя пешком в стены Кремля, безмолвные в сравнении с тем, что я оставил за собой. Здесь, стоя на небольшой площадке, был я окружён соборами, церквами и дворцами...»⁶

О Московском университете в своих «Воспоминаниях» Константин Дмитриевич писал: «Первенец университетов русских, университет Московский отпраздновал уже свой столетний юбилей; но, несмотря на это, если сравнить положение наших университетов в общественной жизни

---

⁶ Ушинский К. Д. Первый приезд в Москву // Ушинский К. Д. Собрание сочинений. — Т. 11. — С. 247–250.

с тем, которое имеют в ней древние университеты Германии и Англии, то мы увидим, что это историческое явление западной жизни, развившееся из неё совершенно органически, будучи перенесено на русскую почву, пустило в неё ещё не слишком глубокие корни и приняло, кроме того, особенный, только русской жизни свойственный, характер, который иногда не вполне гармонирует с его учёным и воспитательным значением. Мы не будем разбирать здесь ни причин этого явления, ни его многообразных последствий... но расскажем лучше нашу собственную университетскую жизнь... что мы прожили и прочувствовали...»⁷. К сожалению, Ушинский не оставил, как намеревался, воспоминаний о времени учёбы в Московском университете, переключившись на более важное дело — обсуждение предложенного знаменитым хирургом, профессором Н.М.Пироговым проекта общего устава российских университетов.

Окончание Московского университета

В 1844 году, завершив учёбу в Московском университете «вторым кандидатом права», Ушинский с квалификацией «отличнейший кандидат» был «представлен Министерству для определения на престижную должность».

Для двадцатилетнего молодого человека это было время напряжённых духовных исканий. В самом начале своего жизненного пути он серьёзно задумывается о своём назначении в этой жизни. О педагогическом поприще юноша ещё не помышляет, но в его дневнике, который он начинает вести с 1844 года, первой появляется следующая запись:

«Ноября 13-го. Приготовлять умы! Рассеивать идеи!.. Вот наше предназначение. Мы живём не в те годы, чтобы могли действовать сами. Как отцы, отдадим себя трудам, бесплодным для нас, плодовитым для детей наших. Соберём неиссякаемые сокровища, которые пусть расточат наследники наши. Рано ещё действовать! Пробудим требования, укажем разумную цель, откроем средства, расшевелим энергию — дела появятся сами...

Не будем спешить, побуждаемые эгоистической жадной вкисить от плодов дел наших!.. **Будем трудиться над постройкой чудного здания, которому внуки наши дадут своё имя...** Пренебрегая насмешками, вытерпевая гонения, жертвуя всем — счастьем забвения, наслаждениями семейства, почестей, славы, богатства, — не убегая туда, где живут счастливее, отказавшись совершенно от самих себя, — работать для потомства!..

---

⁷ Ушинский К.Д. Воспоминания об обучении в Новгород-Северской гимназии // Там же. — С. 45—46.

В поте лица, в пыли презрения, под знойными лучами пекущего солнца, рискуя жизнью, бросать семена в землю, зная, что никогда не увидишь жатвы, и всё-таки работать до конца жизни. Отдать всё потомкам, не ожидая награды ни на земле, ни на небе, — знать это и всё-таки отдать им и жизнь свою... Велико назначение! Труднейшая, бесславнейшая доля в массе трудов человечества — лучшая доля, величайшая доля!»⁸.

Ещё в бытность студентом Московского университета Ушинский мечтал **«написать историю так, как я её понимаю»**. Однако после окончания университета, возвращаясь мыслями к своей давней мечте, юноша, томимый сомнениями, 18 ноября 1844 года пишет в своём дневнике: «Давно эта мысль, под различными формами, вертелась в моей голове, но никогда так отчётливо, так ясно она не являлась в моей голове. Два года тому назад проявившись с такою силою, эта мысль превратилась бы во мне в решение, но теперь я потерял уже безотчётную веру в постоянство своих целей и в неизменность своих сил; но зато чему я верю себе, — в то верю постояннее. Конечно, этот труд достаточен, чтобы наполнить много жизнью. Но угадал ли я своё направление? Не леность ли гонит меня от **поприща фактической деятельности?**.. Не сделал ли бы я для России больше здесь, нежели написав историю? Доставит ли она что-нибудь **незрелому народу?**»⁹.

14 апреля 1845 года, в самый канун Пасхи, К.Д.Ушинский записывает в своём дневнике: «Через 20 минут раздастся колокольный звон, извещающий, что для верующих Воскрес Христос! Спаситель! Я верую Твоему Воскресению! **Помоги мне сделать всё доброе, что я могу! Благослови дела мои, если они будут блага, отвергни злые! Не за себя молю, но за благо, которое могу совершить!**» А чуть позже, вернувшись после пасхального Крестного хода домой, Константин Дмитриевич завершает начатую им накануне дневниковую запись: «**15 апреля 1845 г.** Пошёл в Шереметьевскую церковь... и глядя под тёмным небом, усеянным звёздами, на прекрасный, освещённый храм, полный народа, ждущего входа священников с дивным „Христос Воскресе!“, глядя на этих священников в блестящих ризах, стариков, возглашающих во мраке ночи Воскресение Творца бесконечного неба, расстилающегося над их головами, — я плакал... Торжество истины меня растрогало глубоко! Давно этот Праздник действует на мою душу, но как различно всегда. О, Провидение, дозвожь мне страдать и умереть за истину, — молил я, — и умереть в неизвестности!.. Но надо

---

⁸ «Дневник К.Д.Ушинского с 1844 по 1845 г.» // *Ушинский К.Д. Собрание сочинений.* — Т. 11. — С. 11–12.

⁹ Там же. — С. 18.

быть чистым, чтобы удостоиться такого великого выбора. На алтарь истины чистую жертву приносить должно...»¹⁰

Имея высокую цель принести как можно больше пользы своему Отечеству, своему народу на поприще общественного служения, Ушинский особое место в своём дневнике отводит вопросам самовоспитания и самообразования:

«**16 ноября 1844 г.** Нечего писать, кроме того, что я не исполнил всего предписанного. О! волю надо укреплять! Пусть в моём внутреннем государстве всё повинуется ей беспрекословно... А если только прихоть, раздражительность, упрямство, нетерпеливость сломят эти двери, то — беда: разрушится стройное государство».

«**22 ноября 1844 г.** Тщеславие, тщеславие должно задавить в себе!»

«**20 января 1845 г.** В эти полтора месяца что я сделал во внутреннем и внешнем своём мире? Ничего, на чём бы я мог спокойно остановить своё внимание. Я каждый день делал такую кучу мерзостей, что, о Боже, пошли мне забвение!.. Дух мой как будто заснул, ни одним движением он не напоминает о своём существовании... Я по-прежнему мелочен, тщеславен, брюзглив, зол, нерешителен, труслив, лжив, тороплив, легкомыслен, ленив, сластолюбив, по-прежнему несчастлив без страданий, по-прежнему ничтожен, по-прежнему — игрушка минутных, самых пустых случайностей!.. Боже! Боже! Спаси меня!.. И во всём этом никто не виноват, кроме меня. Научи меня, Дух мира, поддержи, пробуди меня! Позволь мне опять созерцать Тебя во мне! Теперь я для себя — ужаснейший хаос, в котором я ничего не могу разобрать: так мелко, так отрывочны, так противоречащи друг другу, так быстро и произвольно сменяются [настроения]. Теперь моё я подобно какой-то страшной бездне, из которой несметными тучами поднимаются мелкие, гадкие насекомые, но на дне которой царствует пустота и утомительный мрак. Опять должно начать своё исправление...»¹¹

И Ушинский формулирует для себя правила жизни — составляет своего рода «рецепт», которому он должен следовать, для того чтобы исправиться:

Рецепт

1. Спокойствие совершенное, по крайней мере, внешнее.
2. Прямота в словах и поступках.
3. Обдуманность действия.
4. Решительность.

---

¹⁰ Там же. — С. 38–39.

¹¹ Там же. — С. 15–16, 18, 26–27.

5. Не говорить о себе без нужды ни одного слова.
6. Не проводить времени бессознательно; делать то, что хочешь, а не то, что случится.
7. Издерживать только на необходимое, а не по страсти издерживать.
8. Каждый вечер добросовестно давать отчёт в своих поступках.
9. Ни разу не хвастать ни тем, что было, ни тем, что есть, ни тем, что будет...

На протяжении всей своей жизни он скрупулёзно учится следовать этим правилам:

«22 января 1845 г. Погрешил против № 1. Бурчливость сделает из меня старую сварливую бабу».

«23 января. Я так раскричался, будто у меня всё погибло... Вот один из самых сильных моих пороков! От четверга до следующего четверга попробую не изменить ни разу правилу под № 1».

«25 января. Соврал без нужды».

«28 января. Сделал самую глупую издержку: занял деньги за адские проценты, когда совсем было не нужно! Русский человек задним умом крепок!..»

«29 января. Болтать, болтать и вечно не подумавши, без нужды болтать, — когда же это кончится? На этот порок должно обратить особенное внимание, и мне теперь есть случай удерживаться от глупой болтовни. Посмотрим!..»

«1 февраля. Изменил первому и самому главному правилу — спокойствию. Частью — от забывчивости, частью и нет!.. Врал!..»¹² и т. д.

С 1844 года в ожидании своего назначения на службу Ушинский поначалу задумывается о подготовке к экзамену на право защиты магистерской диссертации. Но уже 8 августа 1844 года в письме к своему университетскому товарищу князю Владимиру Александровичу Черкасскому сообщает: «Об экзамене я ещё не думаю, да и мало он меня беспокоит, чин же для меня всё равно: я ни к чему не стремлюсь; о внутренней жизни я забочусь гораздо более и если успею помириться с самим собою, то о другом мне мало нужды. Если бы Вы меня лучше знали, то поняли бы моё равнодушие к будущим успехам. Впрочем, готовиться будем вместе. Только я должен буду читать то, что Вы давно знаете»¹³. А 26 марта 1845 года он

---

¹² «Дневник К. Д. Ушинского с 1844 по 1845 г.». — С. 28–31.

¹³ Письмо К. Д. Ушинского к В. А. Черкасскому // *Ушинский К. Д.* Собрание сочинений. — Т. 11. — С. 139–140.

записывает в своём дневнике: «...я не буду держать экзамена на магистра, в этом я почти убеждён»¹⁴.

«**15 апреля 1845 г.** День пробродил. Пришёл к Ясинским¹⁵... Придя домой, застал записку Редкина¹⁶. Добрый человек, он не забыл меня. И вдруг мне стало грустно... Сколько добрых друзей у меня, но где они? Один за тысячу вёрст, другой — за две, третий — ещё далее, за стеною приличий... сколько добрых друзей, и я один! Если в эту минуту смерть, бесславная смерть, подойдёт ко мне, — мне некому будет сказать: прости! Грустно, невыносимо грустно! Какое-то предчувствие тяготит меня, но чего? — не знаю...»¹⁷.

Педагогическое служение

В 1846 году, по рекомендации Петра Григорьевича Редкина, К. Д. Ушинский был приглашён графом С. Г. Строгановым, генерал-губернатором Москвы, попечителем Московского учебного округа, в **Ярославский Демидовский лицей**, сразу на должность исполняющего обязанности профессора курсов энциклопедии законовещения и государственного права. И вскоре юноша занял одно из наиболее почётных мест среди других профессоров Ярославского лицея как даровитый лектор, вполне владевший предметом и пользующийся большим расположением и уважением учащихся.

Ещё в начале 1840-х годов граф Строганов задумал преобразовать Ярославский Демидовский лицей в высшее камеральное училище. 18 сентября 1848 года на торжественном собрании лицея К. Д. Ушинский произнёс блестящую речь «**О камеральном образовании**», которая по новому ставила вопрос о преподавании в лицее **науки хозяйства**, как он называл камералистику:

«В 1845 году 22-го ноября, — начал свою речь на торжественном акте Ушинский, — Его Императорское Величество соизволил утвердить устав, по которому Демидовский лицей должен был преобразоваться в новый вид, получить новое направление. Прошлый академический год совершалось это преобразование, теперь оно окончено. Отчёт по внешней стороне последнего преобразования нашего лицея даст вам его начальство, я же

---

¹⁴ «Дневник К. Д. Ушинского с 1844 по 1845 г.». — С. 32.

¹⁵ Семья московского адвоката.

¹⁶ Редкин Пётр Григорьевич — известный правовед, профессор Московского, а затем и Петербургского университетов, учитель и наставник К. Д. Ушинского.

¹⁷ «Дневник К. Д. Ушинского с 1844 по 1845 г.». — С. 39.

думаю поступить сообразно значению нынешнего дня, если буду беседовать с вами о внутренней стороне этого преобразования...

Речь мою о камеральной науке¹⁸ я разделяю на три части: в 1-й в самом кратком очерке изложу немецкую систему камеральной науки, потому что камеральная система создана немцами и у них только эта наука существует во всей своей целостности; во 2-й части я постараюсь изложить мой взгляд на науку и её систему; а в 3-й скажу о приложении камеральных наук к жизни».

Рассмотрев немецкую систему камеральной науки, Ушинский убедительно показал её недостатки: «Главнейшие ошибки немецких камералистов, откуда происходят уже все прочие, состоят в следующем: немецкие камералисты имеют ложный взгляд на хозяйство, видят их множество, когда оно одно... Они не определили цели своей науки, не отыскали её предмета, разделили её по субъектам, что невозможно; внесли туда частное хозяйство, чего также не может быть; они составили общую часть науки и не нашли ей содержания... Они ложно поняли практичность направления этой науки и вместо законов наполнили эту науку правилами и благоразумными советами немецкой мудрости. Вот обвинительный акт немецкой камеральной науке. С такими недостатками она не может остаться и не имеет права называться наукою. Изучение её не принесёт никакой пользы, и за нею всегда останется тот эпитет скучной, который ей дали немецкие студенты»¹⁹.

Далее он предложил свою концепцию науки хозяйства:

«Наука хозяйства распадается сама собою на три части: земля в хозяйственном отношении, как созданная и расчленённая для человеческого хозяйства; общество, которое строится по хозяйственным законам, и, наконец, деятельность, посредством которой хозяйственное общество, пользуясь хозяйственными свойствами земли, составляет и развивает хозяйственный интерес общества.

Таким образом, у нас являются три отдела знаний, исчерпывающих хозяйственный предмет:

- 1) знание земли в хозяйственном отношении;
- 2) знание организма хозяйственного общества и
- 3) знание хозяйственной деятельности»²⁰.

---

¹⁸ Камеральные науки, или камералистика, — термин, в настоящее время вышедший из употребления. В XVIII—XIX веках им обозначалась совокупность знаний, необходимых для управления государственным имуществом.

¹⁹ Ушинский К. Д. О камеральном образовании (Речь на торжественном собрании лицея 18.09.1848 г.) // Ушинский К. Д. Собрание сочинений: В 11-ти тт. — Т. 1. Ранние работы и статьи 1846—1856. — М.-Л.: Изд-во АПН РСФСР, 1948. — С. 178—179.

²⁰ Там же. — С. 186—187.

В своей речи К. Д. Ушинский указывал на теснейшую связь и единение хозяйственных наук с науками общественными:

«Как невозможно выбросить из науки хозяйства хозяйственной географии, так нельзя выбросить из неё наук общественных и наук, связанных с хозяйственной деятельностью».

«Рассматривание общественной организации необходимо входит в хозяйственную науку, потому что законы хозяйства с необыкновенною силою проявляются в организации обществ»²¹.

Особо докладчик остановился на вопросе о том, какую пользу может доставить камеральная наука как правительству, так и «частному человеку» — хозяйственнику. Как юрист, Ушинский в первую очередь обратил внимание на «неотразимое» влияние на народное хозяйство принимаемых правительством законов, и поэтому эти законы, как и все другие правительственные меры, должны опираться на науку хозяйства.

В своей речи Ушинский дал ценные рекомендации хозяйственникам (фабрикантам). По Ушинскому, «цивилизованный хозяйственник» — это человек, руководствующийся в своей деятельности научными знаниями. «Такой фабрикант, — утверждал Константин Дмитриевич, — через несколько лет будет стоять несравненно выше своих собратьев, действующих большею частью по примеру других наудачу, по тёмным и неверным слухам, по недолговечному опыту и, наконец, по отрывочным известиям, которые они не могут привести в стройную систему и которым они не могут дать верной оценки. Фабрикант, по верным правилам хозяйственной науки определяющий относительное положение своего производства в хозяйственной сфере, будет в состоянии определить точные причины упадка или возвышения цен на свои произведения и материалы их, будет в состоянии предвидеть бурю, уклониться от неё или предотвратить её, если можно»²².

Докладчик особо отметил, что «цивилизованный хозяйственник» — это также человек, строго следующий государственным законам и осознающий своё призвание в человеческом обществе:

«Такой фабрикант ясно будет видеть, что он находится в такой связи со всем человечеством, что должен смотреть на своё производство как на должность... обязанности которой он должен исполнять, если не хочет заслужить **укоров совести**»²³.

«Всякая хозяйственная деятельность тогда только выгодна для частного человека, когда выгодна для целого народа. Если правильно богатеет

---

²¹ Там же. — С. 190, 192.

²² Там же. — С. 247.

²³ Там же. — С. 248.

человек, то он никого не разоряет, и только это правильное богатство есть истинное богатство; в этом случае опять справедливо, что выгодное для индивида, выгодно народу. Всякая другая деятельность, интересы которой не совпадают с интересами страны и народа, не должна удасться, а если и удаётся на время, то это та же удача, которая сопровождает человека, совершающего преступление, нарушающего законы. Такая хозяйственная деятельность, выгода которой не совпадает с выгодой народа, есть или безумный проект, обломки которого задавят самого составителя, или преступный умысел, совершение которого накажется рано или поздно. Посмотрите на человека, неправильно нажившего богатство, и пожалейте о нём: каждая копейка выбивает у него часть души, и, наконец, им овладевает та страшная болезнь, о которой так удачно сказал Ювенал: „Crescit amor nummi, quantum ipsa pecunia crescit“ („Любовь к деньгам растёт по мере того, как растёт само богатство“). **Недаром твердит наш народ, что дурно нажитая деньга впрок не пойдёт. В этой простодушной вере в силу истины скрыт глубокий, неодолимый закон этого мира**²⁴.

Деятельность К. Д. Ушинского в Ярославском лицее могла бы послужить началом блестящей карьеры молодого учёного. Но реформа лицея не удалась. Идея камерального образования, ярко представленная молодым профессором, дальнейшего развития не получила. В сентябре 1849 года, согласно прошению, Ушинский берёт отпуск с целью поездки в Петербург или Москву «для совещания с тамошними медиками о болезни». А спустя ещё один месяц он окончательно оставляет Ярославский лицей.

Министерская служба

В Петербурге Константин Дмитриевич предпринимает безуспешные попытки найти интересующую его работу. К этому времени относится появление альбома с переписанными в него Ушинским революционными стихотворениями первой половины XIX века²⁵.

В феврале 1850 года Высочайшим указом Ушинский в конце концов был переведён в Департамент духовных дел иностранных исповеданий Министерства внутренних дел. Получаемая им должность помощника

---

²⁴ Ушинский К. Д. О камеральном образовании. — С. 178—179.

²⁵ Стихотворение Н. Огарёва «Памяти Рылеева», отрывок из стихотворения Мицкевича на смерть Рылеева, шесть стихотворений самого Рылеева. Записи в этот альбом были сделаны Ушинским ещё до начала работы в Министерстве внутренних дел. Во время блокады Ленинграда этот альбом Ушинского был утрачен. От него осталась только копия, перепечатанная на машинке.

столоначальника его не удовлетворяет. Накануне министерских назначений Константин Дмитриевич пишет в своём дневнике²⁶:

«**19-го декабря 1849 г.** Неужели я опустел окончательно! Какая-то лихорадочность в моих способностях. Нет, да не будет так! Я верю, что это только оттого, что в последнее время я вот уже около пяти месяцев ничем не занимался. За дело! за дело! И, чтобы не разбивать сил своих, я решительно займусь только одною статьею для Географического общества... Снова — самое строгое наблюдение над собою, над своим характером, способностями! **Сделать как можно более пользы моему Отечеству — вот единственная цель моей жизни, к ней-то я должен направлять все свои способности.** Небольшой толчок судьбы разбил весь тот мир, который так долго во мне строился. И если я не вооружусь твёрдою волею, то погибну посреди этих обломков... Нужно уметь принудить себя заниматься и тогда, когда нет во мне энергии, убедившись опытом, что это падение души только временно и что небольшое усилие над собою всегда вознаграждается рождающеюся в ней энергией. О, зачем я один? Мой разум и моё сердце просят товарища. Тяжело бороться одному против усыпления, заливающего со всех сторон!»

«**23-го декабря.** Достаточно одного лёгкого намека, одного слова, от которого повеяло бы свежестью деревни, чтоб обратить все самые жаркие желания души моей к природе, жизни мирной, сельской, чтоб наполнить всё существо моё тоскою и отвращением к жизни городов, столиц, к службе, к этим ничтожным и бесполезным занятиям, к этой грязной, тесной, душной сфере, в которой заставляет меня стонать немилосердная судьба! Как неестественна наша жизнь! Это какая-то сеть, сплетённая из самых ничтожных нитей, но способная задушить льва. Много ли я прошу у тебя, судьба? Самый маленький уголок под ясным небом, посреди благоухающих полей, тенистых рощ, умеренный труд и забытие, забвение всех и от всех. Я мог бы ещё просить у тебя любимой женщины и добрых друзей... но ты так скупа! Неужели мне придётся погибнуть в этой тюрьме? Почему тебе хочется меня испортить, загрязнить, истоптать и тогда уже бросить в землю? О, неужели же целый век исканий, целый век этих глупых, бесцельных, ребяческих забот?! Я не хочу ничего, я не хочу никуда, куда ты толкаешь меня, о, нищета, проклятая! Чиновничий пролетариат — едва ли не самый грустный, самый тяжёлый пролетариат в мире, и по крайней мере — самый убийственный... Душа отравляется мало-помалу, жизнь истощается с болью и по каплям... И много нужно времени, пока перестанешь презирать свою жизнь, пока сойдёшь с ума и помиришься с нею!..»

---

²⁶ «Отрывок из дневника К.Д.Ушинского. Конец 1849 г.» // *Ушинский К.Д.* Собрание сочинений. — Т. 11. — С. 42–44.

„Я согласна“

Как расно я, мой милый друг
Австрия от моего безотрадного
На все забываю все равно
Почему неясно и милой графини
Как расно я упрямый, одиозный
Иногда на друзей, как на мифологию
Судить и нежной и скромной
И видна в ней одна былинная борозна
И может моя напрасно пробора
Тысячию свата и людей
И друзей от людей замора
Во гряди мажорной моей
Тысячию мажорной мажорной
Тысячию мажорной мажорной
И мажорной мажорной мажорной
Тысячию мажорной мажорной
Но время даётся — через мажорную
Оригинальную мажорную мажорную
Мажорную мажорную и мажорную мажорную
Во всемирной мажорной мажорной
Тысячию мажорной мажорной мажорной
Тысячию мажорной мажорной мажорной
Всё мажорной мажорной мажорной
И мажорной мажорной мажорной
И мажорной мажорной мажорной
И мажорной мажорной мажорной
Во мажорной мажорной мажорной

В. Гуминский

Министерская служба становится для Ушинского настоящим испытанием. В поисках дополнительных занятий он изучает английский язык. А с 1852 года начинает принимать деятельное участие в работе журнала «Современник», затем (с 1854 г.) — журнала «Библиотека для чтения», издававшегося Альбертом Викентьевичем Старчевским.

К этому времени Константин Дмитриевич был уже женат: находясь с июля 1851 по апрель 1852 года в служебной командировке в Черниговской губернии, он сделал предложение подруге детства Надежде Семёновне Дорошенко и получил от неё согласие. В альбоме Надежды Семёновны есть два замечательных стихотворения, переписанных рукою Константина Дмитриевича, авторство первого из них принадлежит А.С.Пушкину, второго — самому Ушинскому:

Нам разный путь судьбой назначен строгой,
Вступивши в жизнь, мы быстро разошлись,
Но невзначай, просёлочной дорогой
Мы встретились и братски обнялись...

5 января 1852 г., хутор Богданка

* * *

«Я согласна»

Как часто я, мой милый друг,
Смотрел с тоскою безотрадной
На всё живущее вокруг,
Добычу глупости и скуки жадной!
Как часто я, угрюмый, одинокий,
Глядел на жизнь как на служенье
Судьбе и глупой и жестокой
И видел в ней одно бесплодное боренье!
И мысль моя напрасно пробегала
Пустыни света и людей,
И жизнь от глада замирала
В груди тоскующей моей.
Так смотрит кормчий безутешный
На неподвижную морскую пелену
И молит небо безуспешно
Поднять усталую волну.
Но ветер дохнул — исчезла тишина,
Очнулся воздух, вздрогнула волна,
Надулся парус, и корабль исчез
В весёлой синеве небес.

Так жизнь в душе моей проснулась,
Призыву милому откликнулась она,
Весельем сердце вострепнулось,
И снова счастьем грудь полна.
И нет тоски, и убежало горе,
И снова цель видна
В безбрежном море.

К. Ушинский
С 15 на 16 сентября 1852 г.,
Новгород-Северск

В семье Ушинских родилось шестеро детей: Павел (1852 г.р.), Вера (1855 г.р.), Надежда (1856 г.р.), Константин (1859 г.р.), Владимир (1861 г.р.) и Ольга (1867 г.р.).

Гатчинский сиротский институт

В ноябре 1854 года Ушинский получил назначение в **Гатчинский сиротский институт** на должность старшего учителя словесности и юридических предметов, а через полгода был переведён инспектором классов.

В то время Гатчинский институт представлял собой обширную сеть школ — от начальных (детский пансион, элементарная школа, начальная школа), где малолетних детей обучали грамоте и письму, до высших классов, где учащимся читали такие курсы, как законоведение. Это был целый «детский городок», в котором содержалось более 600 воспитанников и в штате которого значилось более 70 преподавателей. Задачей сиротского института являлось воспитание граждан, «верных царю и Отечеству». Его воспитанников готовили к служению в разных должностях при многочисленных департаментах и министерствах.

Познакомившись с институтом, Константин Дмитриевич так определил сложившийся в нём уклад: «Канцелярия и экономия наверху, администрация в середине, учение под ногами, а воспитание — за дверьми здания». В институте царил, по свидетельству Ушинского, «дух казённого учреждения». И новый инспектор, глубоко убеждённый в том, что «в закрытом заведении образуется тот дух, который столько же может быть гибелен, сколько и спасителен»²⁷, поставил своей целью провести в нём ряд преобразований.

---

²⁷ *К. Д. Ушинский*. Проект учительской семинарии // *Ушинский К. Д.* Собрание сочинений: В 11-ти тт. — Т. 2. Педагогические статьи. 1857–1861 гг. — М.-Л.: Изд-во АПН РСФСР, 1948. — С. 520.

Большое значение для Ушинского имело то, что сразу по поступлении на службу он случайно обнаружил в институтской библиотеке два почерневших, запылённых, наглухо закрытых шкафа с «замечательно полным собранием педагогических книг», принадлежавших бывшему инспектору классов Егору Осиповичу Гугелю. «Этим двум шкафам, — писал впоследствии о своей находке Ушинский, — я обязан в жизни своей очень многим, и, Боже мой! от скольких бы грубых ошибок был избавлен я, если бы познакомился с этими двумя шкафами прежде, чем выступил на педагогическое поприще!»²⁸. Кроме того, летом 1855 года редактор журнала «Библиотека для чтения» А. В. Старчевский прислал ему для перевода несколько статей из английского литературно-критического журнала «Athenaeum» («Атенéум»), посвящённых вопросам образования и воспитания в Америке. Эти статьи произвели на Ушинского сильнейшее впечатление. «Зачем прислали Вы мне статьи об американском воспитании? — говорил он Старчевскому при встрече. — Вращаясь постоянно в училищном кругозоре, ознакомившись поближе с детьми, которых надо развить, учить и воспитывать, я, по прочтении „Athenaeum“, не мог спать несколько ночей! Статьи произвели страшный переворот в моей голове, в моих понятиях, убеждениях. Они подняли в моём уме целый рой вопросов по воспитанию и образованию, навели меня на многие, совершенно новые мысли, которые, без этих статей, пожалуй, никогда не пришли бы мне в голову»²⁹.

Знакомство Ушинского с обширной педагогической литературой, отечественной и зарубежной, ввело его, таким образом, в мир идей, до этого ему почти не известных, а учительская работа открыла глаза на новую для него реальность — детский мир с его особенностями и многообразием. Вооружённый таким «багажом», Ушинский приступил к проведению в сиротском институте необходимых преобразований.

Проект преобразований Гатчинского сиротского института³⁰, подготовленный К. Д. Ушинским, состоял в следующем:

«Какое бы преобразование ни предстояло Гатчинскому сиротскому институту, его главное назначение не может быть изменено. **Прежде всего, Гатчинский институт есть сиротское заведение, а потому главная его**

---

²⁸ К. Д. Ушинский. Педагогическая поездка по Швейцарии // Ушинский К. Д. Собрание сочинений: В 11-ти тт. — Т. 3. Педагогические статьи 1862–1870 гг. — М. -Л.: Изд-во АПН РСФСР, 1948. — С. 141.

²⁹ Там же. — С. 29.

³⁰ Мнение коллежского советника Ушинского о проекте преобразований, представленном из Гатчинского сиротского института // Ушинский К. Д. Собрание сочинений. — Т. 3. — С. 627–659.

обязанность — заботиться о физическом и нравственном воспитании сирот и о возможно лучшем устройстве их судьбы. Раз приняв сироту на своё попечение, институт обязан поступить в отношении его, как поступил бы добрый, умный и попечительный родитель, и с одинаковой ревностью заботиться как о злых, так и добрых, как о талантливых, так и бесталанных; несомненно и то, что дети, обиженные судьбой, потребуют о себе бóльших даже попечений, чем те, которые одарены ею богато. **Институт заменяет сиротам родителей, насколько, конечно, такая замена возможна, и в этом его главное основное значение, к которому всё остальное в нём должно относиться как средство к цели.** Забвение этой истины было главной причиной множества тех ошибок, которыми так богата история Гатчинского института. Каких только назначений ни давали этому заведению, забывая всякий раз главную цель, для которой он основан.

Я возьму только два, более других державшиеся направления: **классическое**, подготовлявшее воспитанников к университету, и последнее — **юридическое**, подготовлявшее их прямо к гражданской службе. Оба эти направления, сами по себе весьма полезные и практические, будучи приложены к сиротскому институту, дали не только неудовлетворительные, но весьма печальные результаты. Правда, при классическом направлении, гатчинские воспитанники отличались на университетских экзаменах превосходной подготовкой. Но много ли их появлялось? Редко более шести-семи человек, а иногда и менее, и надобно было заглянуть в середину заведения, посмотреть, чего стоила подготовка этих пятерых воспитанников и что делалось с остальными. Несмотря на талантливость и обширные педагогические сведения тогдашнего инспектора классов Гугеля, несмотря на строгие, почти жестокие меры, принуждавшие воспитанников к учению, едва сотый из них достигал выпускного класса и поступал в университет: всё же остальное росло бесполезно и портилось нравственно в низших классах, где взрослые воспитанники, перемешанные с детьми, представляли самое безотрадное явление.

Эта-то пустота высших классов и безобразие низших, громадность употребляемых сумм и ничтожность результатов обратили на себя внимание Государя Императора Николая Павловича. И вот Гатчинский институт, при самых лучших надеждах на будущее, был преобразован в юридическое заведение с целью готовить молодых людей на низшие должности гражданской службы. Что же вышло? Пользуясь при этом направлением отсутствием учебного контроля, который был прежде для гатчинских воспитанников при университетском экзамене, институт ослабил свои учебные требования для того, чтобы наполнить высшие классы. Дети переводились массами из класса в класс, почти без экзамена, а вместе с тем лень, нерадение и неизбежные при этом шалости возрастали быстро.

Начальство, желая открыть какой-нибудь выход для безнадежно испорченных воспитанников, учредило писарский класс, но потом скоро закрыло его, заметив, что все стремятся именно в этот класс, который должен был играть для заведения роль фонтанели. Но как только закрыли писарский класс и возвысили требование на экзаменах, младшие классы снова переполнились, а старшие опустели. Снова понизили уровень экзаменов и т. д.

Вот та хроническая болезнь, которой страдает Гатчинский институт с самого своего основания, и это будет продолжаться до тех пор, пока учению в Гатчинском институте будут давать какое бы то ни было специальное направление, пока, словом, Гатчинский институт не обратится к главной своей цели — воспитанию сирот для всех возможных честных путей в жизни. <...>

Я сильно держусь того убеждения, что **Гатчинский институт менее всего должен думать о приготовлении своих сирот к университету**, что из сиротских институтов должны поступать в университеты только самые счастливые, многообещающие натуры, которые и везде, а особенно в сиротских институтах, являются самыми редкими исключениями. Устраивать же целые классы и целые ряды учителей для таких исключений было бы для Опекунского совета крайне не расчётливо. Можно положительно сказать, что устройство высшего гимназического образования в институте обойдётся Опекунскому совету не менее как в десять раз дороже, чем помещение десятка этих молодых людей на полное пансионное содержание московских или петербургских гимназий. Притом и молодой человек, поступив в гимназический пансион, в круг товарищей, не имевших несчастья быть сиротами, гораздо лучше приготовится к свободной университетской жизни, чем в институте.

Институт обязан сделать для сироты всё, что может, а не непременно сделать из сироты студента университета. Вот почему я полагал бы **гораздо полезнее для Гатчинского института устроить вместо гимназии общеобразовательное училище с четырьмя, пятью классами и с потребным числом параллельных отделений, основанное на общих рациональных педагогических началах**. Пользуясь большим числом параллельных отделений, которого необходимо потребует большое число воспитанников, институт мог бы легко сортировать учеников по их способностям, наклонностям и успехам и некоторым, конечно, мог бы дать возможность подготовиться к средним классам гимназии, чтобы не выпускать из стен своих воспитанников ранее пятнадцатилетнего возраста. Но главная учебная деятельность института должна быть направлена не на это небольшое число исключений, а на то огромное большинство, которое в университет не пойдёт. Вот почему я полагаю, что гатчинский проект, положив в основание всей своей учебной деятельности гимназическое образование, сделал основную ошибку, из которой происходят уже все дальнейшие.

Нет сомнения, что в закрытом и в особенности в сиротском, т. е. строго воспитательном, заведении всё должно исходить из одной идеи, стремиться к одной цели, двигаться по одной воле... В таком заведении, заменяющем сиротам семью, вся власть и вся ответственность должны быть сосредоточены на одном лице, и учебная и воспитательная части должны быть тесно и неразрывно соединены.

Главное лицо должно быть воспитателем, в полном смысле этого слова — **отец сиротского дома**, как называют его в Германии. На этом лице должна лежать вся тяжесть ответственности, оно должно быть не администратором только, не начальником, не чиновником, не контролёром чужих действий, а воспитателем, потому что сиротское заведение есть строго воспитательное заведение, а не департамент, не богадельня, не казарма и даже не просто учебное заведение. Учебная часть также должна принадлежать, главным образом, директору потому, что ученье есть главное воспитательное средство... **Я вполне убеждён, что в руках главного воспитателя должна быть сосредоточена вся власть — и воспитательная, и учебная, и административная**, но он должен быть таков, чтобы мог действительно указывать по всем этим частям и не мог бы говорить, что та или другая часть ему незнакома, а потому-де он за неё и не отвечает. Скорее ответственность по части экономической и хозяйственной, как это и бывает в заграничных заведениях, может лежать не на одном директоре, но и на особенном, для того назначенном комитете, а ответственность по воспитательной и учебной части должна вся лежать на главном начальнике, а следовательно, ему одному должно принадлежать и право выбора всех должностных лиц по этим частям.

В помощь директору должны быть приданы избранные им самим **старшие воспитатели по отделениям**, которые заведывали бы как воспитательной, так и учебной частью своих отделений, жили бы в самом заведении, как и теперь они живут, и для ближайшего знакомства со своими учениками и для непосредственного влияния на них — преподавали бы в своём отделении один из главных предметов.

В помощь к старшим воспитателям отделений должны быть приданы **классные воспитатели**, каждый из них в то же время должен необходимо преподавать в своем классе один из существенных предметов и быть старшим учителем класса, так чтобы все остальные учителя класса ему подчинялись.

Один из классов отделения, по преимуществу — старший, может не иметь особого классного надзирателя и старшего учителя, классным надзирателем и старшим учителем этого класса должен быть сам старший воспитатель для того, чтобы он мог проверить результаты воспитания и служить

примером и образцом для подчинённых ему классных воспитателей. Классные воспитатели должны бы жить в самом заведении, по возможности среди своих воспитанников.

Кроме старших и классных воспитателей, преподающих вместе с тем и многие предметы, могут быть и **особенные учителя, занимающиеся исключительно преподаванием** и живущие, конечно, вне заведения. Но такие учителя должны быть в полном подчинении классному воспитателю того класса, в котором преподают.

Только при таком устройстве сиротского заведения можно разделить органически ту огромную и едва только по именам известную массу детей, в которой каждое отдельное дитя со своими индивидуальными способностями решительно тонет и дичает, лишённое всякого ближайшего надзора и всякого воспитательного влияния старших, потому что влияние и директора, и инспектора, проходящих по классам, учителя, являющегося, чтобы сдать урок и убежать домой, дежурного надзирателя, которого едва станет на то, чтобы заставить не слишком шуметь и кричать огромную толпу детей, — все эти влияния внешние, мимолётные, ничтожные и не оказывают никакого прочного воспитательного действия. Наконец, только при таком устройстве можно внести в заведение тот семейный элемент, без которого воспитание сирот в закрытом заведении всегда будет неудачно.

О проекте приёма воспитанников в институт... В этих параграфах проекта упущено из вида чрезвычайно важное обстоятельство, на которое обращается особенное внимание во всех сиротских учебных заведениях за границей. Будучи несколько лет инспектором классов в Гатчине, я на опыте убедился, как много приносило вреда то, что на это обстоятельство не было обращено внимания. Нередко привозят в институт сирот 12 лет, уже сильно испорченных нравственно, с наклонностями ко лжи, воровству и даже пьянству. Я помню одного мальчика, которого привезли к нам прямо из тюрьмы, где он содержался вместе со своим отцом. У этого мальчика уже резко выразилась наклонность к воровству и пьянству; неужели же подобных детей прямо ввести в классы института и спальни воспитанников и кинуть в массу детей такие живые начала нравственной порчи?

Я советовал бы институту всех вновь поступающих детей свыше десятилетнего возраста (ниже 10 лет дети поступают не в институты, а в пансион при малолетней школе), не помещая прямо в классы, отдавать благонадёжным учителям на пробное время с тем, чтобы учителя эти и подготовили их к продолжению институтского курса. Только уверившись в безвредности дитяти для других детей, можно допустить его в институт.

В проекте, где говорится о физическом воспитании детей, следовало бы именно сказать **о занятиях садовых, огородных и ремесленных.**

По единогласному отзыву всех начальников заграничных закрытых заведений, в особенности же сиротских домов, в которых дети остаются даже по праздникам и на вакационное время, полевые, огородные, садовые и ремесленные работы являются могущественнейшим и самым правильным средством физического и даже нравственного воспитания детей, средством, которое действует на физическое воспитание даже гораздо лучше искусственной гимнастики, а на нравственное лучше всяких моральных наставлений, так скоро надоедающих ребёнку; физические работы развивают в детях любовь и привычку к беспрестанному труду и делают для них праздность — скучной и невозможной, так что впоследствии несколько часов, проведённых в праздности, являются для них сильнейшим наказанием, любовь же и привычка к труду есть именно та почва, на которой могут успешно развиваться все добрые качества...

Дитя, по самой природе своей, требует беспрестанно физической деятельности, и этому требованию не может удовлетворить часовое занятие гимнастикой. Если это требование детской природы не удовлетворено, то развивающиеся силы дитяти приносят ему вред; хорошо ещё, если ребёнок сделается только шалуном и буяном, но бывают последствия ещё хуже — ребёнок делается скрытным, злым и устраивает для себя такую тайную сферу деятельности, в которую воспитателю нелегко проникнуть. В Гатчинском институте ни от чего дети так не портились и не гибли, как от развитой там ужаснейшей праздности. При слабости учебных занятий, причины которой я показал выше, гатчинскому воспитаннику и в учебные дни было весьма мало дела, но во время праздников и в вакационное время дети предавались совершенно самой развращающей праздности. Но так как постоянные умственные занятия для ребёнка-отрока, даже юноши, не только бесполезны, но положительно вредны, то и следует **ввести в институт всевозможные физические работы — огородные и садовые, если уже не полевые, а для зимы — ремесленные занятия, а именно: переплётное мастерство, токарное, столярное, сапожное, портняжное и слесарное.** Устройство таких мастерских, необходимых самому заведению, может стоить очень дёшево, а дети при небольшом искусстве со стороны воспитателя, с жадной кинутся на все эти занятия, из которых многие введены за границей не только в сиротские институты, но даже в самые богатые аристократические заведения, например: в частном пансионе знаменитого педагога Стоя в Йене. По недостатку времени я не могу изложить здесь подробностей устройства подобных работ.

Весьма опасна та мысль, что **религиозно-нравственное образование** лежит преимущественно на законоучителях. Нет, эта обязанность лежит преимущественно на самом воспитателе, два же еженедельных урока Закона Божьего не могут развить нравственно-религиозного чувства».

Четыре с половиной года прослужил Константин Дмитриевич в Гатчине. Время его инспекторства — одна из самых блестящих страниц в истории этого учебного заведения, ярко отмеченная серьёзными преобразованиями всего учебного дела и учебно-воспитательного процесса в нём.

Именно в Гатчине Ушинский стал педагогом. До этого он был профессором, чиновником, писателем, журналистом, переводчиком. А в «детском городке» Ушинский обрёл своё подлинное призвание.

Написанные Ушинским в Гатчине яркие статьи о воспитании и образовании «О пользе педагогической литературы» (1856), «Три элемента школы» (1857), «О народности в общественном воспитании» (1857) обратили внимание общества на положение учебно-воспитательного дела в России и сделали его имя хорошо известным в педагогической среде.

В Гатчине Константин Дмитриевич взялся за составление книги для классного чтения, которая облегчала бы детям овладение родным языком, способствовала пробуждению и развитию детской мысли, подготавливала учащихся к освоению знаний по другим предметам: естествознанию, географии, истории. Впоследствии эта книга получила название «Детский мир и Хрестоматия». К гатчинскому же периоду относится замысел создания и другой учебной книги, ставшей потом широко известной, — «Родного слова», которое явилось по существу первым в России методическим руководством для начального обучения детей русскому языку.

Смольный институт благородных девиц

Знания и накопленный К.Д.Ушинским педагогический опыт вскоре оказались востребованными — он был приглашён на престижную должность инспектора Смольного института благородных девиц. 8 декабря 1858 года в письме к начальнице Смольного института Марии Павловне Леонтьевой Ушинский сообщал: «Ваше Превосходительство, милостивая государыня Мария Павловна! На предложение Вашего Превосходительства, сообщённое мне временным членом Совета женских учебных заведений, господином попечителем С.-Петербургского учебного округа (Деляновым), занять должность инспектора классов при Воспитательном Обществе благородных девиц и Александровском училище имею честь уведомить, что **я согласен принять на себя эту должность** и вместе с тем почтительнейше прошу Ваше Превосходительство об исходатайствовании на то Высочайшего соизволения. С чувством глубочайшего уважения

и совершенной преданности честь имею быть Вашего Превосходительства всепокорнейший слуга К. Ушинский»³¹.

16 января 1859 года Высочайшим указом по Ведомству императрицы Марии К. Д. Ушинский был назначен на должность инспектора Смольного института благородных девиц — двух его отделений: Николаевского (для девиц дворянского звания) и Александровского (для мещанских девиц). Назначение Ушинского в Смольный институт было вызвано назревшей к тому времени необходимостью проведения преобразований в этом некогда образцовом привилегированном учреждении — первом женском учебном заведении в России.

Константин Дмитриевич с большим воодушевлением взялся за работу, положив в основу подготовленный им проект преобразований Смольного института. В «Исторической записке о последних преобразованиях в Воспитательном Обществе благородных девиц и в Александровском училище» и других документах он сообщал:

«При поступлении моём в должность инспектора классов Смольного института (19 января 1859 г.) я застал Общество в следующем устройстве: Общество состояло из трёх трёхгодичных классов... в Училище также было два трёхгодичных класса... Недостатки такого устройства учебной части бросались в глаза сами собой:

1. Курс Общества, продолжавшийся 9 лет, был слишком длинен: 9-летнее отсутствие девицы из семейства не могло действовать на неё благоприятно.
2. При трёхгодичных классах должно было переводить девиц из класса в класс, не принимая в расчёт их успехов в науках; если и оказывались такие девицы, для которых необходимо было не идти далее в науке, а утвердиться в пройденном, то их нельзя было оставлять в том же классе, потому что они должны были бы остаться не на год, а на 3 года. Таким образом, экзамены были часто одной формальностью и девицы переходили массами из класса в класс, почему весьма многие из них теряли всякую возможность следить далее за науками. <...>

Другие недостатки: предметы были чрезвычайно растянуты, в особенности в Обществе, так что девицы, начинавшие изучать всеобщую историю в младшем классе, когда по возрасту своему не имели возможности понимать, оканчивая через 9 лет изучение этого предмета, совершенно забывали его начало.

---

³¹ Из переписки К. Д. Ушинского с начальницей Смольного института М. П. Леонтьевой // *Ушинский К. Д. Собрание сочинений.* — Т. 11. — С. 312.

На многие предметы — историю, географию, Закон Божий — назначалось в младших классах по 1 уроку в неделю противно самым основным правилам педагогики, которая советует учить детей не многому разному и не в один присест, но учить не многим предметам, занимаясь одним предметом не долго, но чаще. Если дитя занималось сегодня, положим, Законом Божиим, и возвратится к этому занятию не раньше как через 7 дней, а в случае праздника и через 14, то невозможно ожидать, чтобы учение пошло и действовало благотворно на умственное развитие воспитанницы. Чем меньше возраст, тем менее предметов должно входить в круг её занятий, но тем чаще она должна заниматься одним и тем же предметом. <...>

Естественные науки не проходились в Обществе, как будто девице не нужно было изучать естественных наук, тогда как именно из воспитанниц училища формировалось две трети специального класса, назначенного для приготовления домашних наставниц. Где же знание естественных наук может оказывать большую пользу женщине, как не при воспитании и первоначальном обучении детей?

Состав преподавателей был самый жалкий. За весьма немногими исключениями это были или люди устаревшие и не имеющие ни малейшего понятия о новых способах преподавания, или такие, которые и не были никогда преподавателями.

Когда я принял на себя должность инспектора классов, я застал уже в Смольном толки о необходимости преобразования трёхгодичных классов в годовичные. **Мне был поручен проект этого преобразования.** 19 мая я подал этот проект в местный совет и изложил в нём подробно все недостатки прежнего устройства.

Я находил необходимым: 1) уравнивать курс учения в обоих заведениях; 2) в обоих заведениях устроить по 7 годовичных классов <...> 5) переводы делать ежегодно из класса в класс по экзамену; долее двух лет воспитанница в классе не может оставаться <...> 7) при переходе из 5-го класса в 6-й разделять воспитанниц на две категории, — тех, которые должны готовиться к выпуску по желанию родителей, и тех, которые изъявят желание остаться ещё на два года **в специальном педагогическом классе** с тем, чтобы курс наук был для них обширнее и полнее»³².

«При перемене трёхгодичных классов на годовичные в Обществе и Училище должны произойти **значительные изменения в составе и распределении учебного курса.** Важнейшими из них являются:

---

³² «Историческая записка о последних преобразованиях в Воспитательном Обществе благородных девиц и в Александровском училище» // Ушинский К.Д. Собрание сочинений. — Т. 2. — С. 326–332.

- необходимость умственных и словесных упражнений в младших классах;
- последовательное преподавание иностранных языков;
- дальнейшее изучение русского языка и необходимость переводов с иностранных языков на русский;
- расширение преподавания географии и соединение её с подготовительным курсом истории;
- необходимость преподавания истории общей европейской литературы на русском языке;
- преподавание естественных наук, физики и гигиены;
- преподавание арифметики»³³.

«Для приведения курса специального **педагогического класса** в соответствие с новым расположением курсов Общества и Училища, я полагал бы полезным: 1) нынешний двухлетний курс педагогического класса разделить на два годовые класса: теоретический и практический с тем, чтобы воспитанницы, прослушав годовой курс теоретического класса, могли переходить в класс практический, уступая своё место в теоретическом классе новым воспитанницам, прибывающим из Общества и Училища; <...> 3) курс занятий первого года воспитанниц теоретического класса прилагается; 4) по окончании теоретического класса воспитанницам должен быть произведён экзамен (содержание прилагается); 5) курс занятий воспитанниц практического класса прилагается; 6) по окончании практического года воспитанницы также должны подвергаться испытанию (содержание прилагается)»³⁴.

Для успешного проведения в жизнь преобразований в Смольном институте К. Д. Ушинский пригласил в институт талантливых педагогов: Якова Павловича Пугачевского, Льва Николаевича Модзалевского, Михаила Ивановича Семевского, Дмитрия Дмитриевича Семёнова, Василия Ивановича Водовозова, Николая Ивановича Раевского, Ореста Фёдоровича Миллера, Гавриила Спиридоновича Дестуниса, Василия Ивановича Лядова, барона Михаила Осиповича Косинского, священника-академиста Головина и других. Новые преподаватели, знатоки своего дела, стали истинными сотрудниками и товарищами Ушинского. Вместе с ним они представляли одну педагогическую семью, объединённую одними прогрессивными интересами. Ушинский сделался истинным вождем, духовным отцом и руководителем новых учителей.

---

³³ «Объяснительная записка к проектам программ учебного курса» // Там же. – С. 291–317.

³⁴ «Представление о необходимости некоторых изменений в составе и курсе специального, то есть педагогического, класса» // Там же. – С. 321–325.

В марте 1862 года императрица Мария Александровна посетила Смольный для участия в торжественном выпускном акте. Познакомившись с состоянием учебно-воспитательного дела в институте, государыня была покорена вдохновенной работой инспектора.

Ушинский проработал в Смольном институте всего три года, по истечении которых вынужден был оставить инспекторство и вообще деятельность практического педагога.

Работа редактором «Журнала Министерства Народного Просвещения»

Свои труды в Смольном институте К. Д. Ушинский совмещал с деятельностью в качестве редактора «Журнала Министерства Народного Просвещения». Об этой работе в своём письме к калязинскому священнику Иоанну Белюстину 20 ноября 1860 года Ушинский писал: «Всё, что Вы видите до сих пор в журнале, всё это более работы на заданные темы и работы, выполненные без сердечного участия; что же присылают оригинального, то мало относится к воспитанию. **Материалов бездна; идей, которые необходимо распространять, тоже очень много; жажда учиться в публике пробудилась; жатва обильна, но деятелей мало. Молю Господа Бога, чтобы Он дозволил провести хоть сотую долю тех идей, которые рождались и рождаются вновь в душе моей, доставляя мне великое счастье и вместе с тем великую муку.** Но силы физические мои ослабевают и даже глаза, единственный орган, который служил мне без обмана, изменяют...»³⁵.

В другом письме к священнику И. С. Белюстину от 30 марта 1861 года Константин Дмитриевич так говорил о своём служении Отечеству и о своём жизненном пути: «Что делать? Видимо, я не пришёлся публике, но не пришёлся именно потому, что **стою на прямой дороге и стою посередине.** Замечательно, например, что в январской книжке „Библиотеки для чтения“ мой „Детский мир“ укоряют за то, что в нём слишком много говорится о Боге и божественных предметах, а в „Духовной беседе“ от 25 февраля укоряют „Детский мир“ в том, что в нём почти нигде не говорится о Боге, что в нём забыта врождённая нам идея Бога и на пробуждение её почти нигде не обращено внимания. Грустно, тяжело! **Нынешней публике нужны или**

---

³⁵ Письма К. Д. Ушинского к священнику И. С. Белюстину за время редактирования «Журнала Министерства Народного Просвещения» // «Архив К. Д. Ушинского»: В 4-х тт. / Сост. и подг. к печати В. Я. Струминского. — Т. 1. — М.: Изд-во АПН РСФСР, 1959. — С. 66.

Аскоченские³⁶, или Чернышевские. Но это, конечно, не заставит меня сойти с той дороги, по которой, быть может, мне суждено идти одиноко и даже бесполезно для других»³⁷.

В этом журнале появились статьи К. Д. Ушинского: «Труд в его психическом и воспитательном значении» (1860), «О нравственном элементе в русском воспитании» (1860), «Психологические монографии» (1860), «Воскресные школы (письмо в провинцию)» (1861), «Проект учительской семинарии» (1861), «Родное слово» (1861), «Педагогические сочинения Н. И. Пирогова» (1862). В 1861 году вышла в свет его книга для чтения «Детский мир и Хрестоматия».

В письмах к священнику И. С. Белюстину³⁸ Константин Дмитриевич сообщал об этих статьях и работе над ними:

«1 ноября 1860 г. Пишу статью о нравственном элементе в русском воспитании или, лучше, о полном его отсутствии» (С. 64).

«20 ноября 1860 г. В ноябрьской книжке журнала Вы прочтёте мою статью „О нравственном элементе в русском воспитании“, которую один мой приятель советовал озаглавить лучше — о безнравственном элементе. Вторая половина этой статьи уже готова, и если буду иметь силы поправить её, то она появится в декабрьской книжке. Оканчивается эта статья проектом учительской семинарии, который с особенной подробностью и с указанием средств денежных и нравственных подан мною министру, прочитан им и так ему понравился, что он решился, кажется, употребить все усилия, чтобы привести его в исполнение...

Вы пишете, что отправили в „Московские ведомости“ мою статью о „Труде“. Благодарю Вас за честь, которую Вы мне сделали, но напрасно Вы ожидаете, чтобы она была напечатана. Направление, которое провожу я, чуждо без исключения всем русским журналам, и я, кроме брани, ничего не ждал и не жду. Но я готовился к этому, принимаясь за издание журнала. По чистоте моих намерений и по озлоблению всех против меня я буду судить о необходимости говорить то, что начал говорить. То ли ещё увидите, если Господь Бог даст мне силы высказать то, что уже готово и что я начну высказывать с первых книг будущего года! Надеюсь, что стану „притчею во языцех“ и приготовился к этому. Прошу Вас: не тратьте даром времени и не пишите о моих статьях ничего...

---

³⁶ В. И. Аскоченский — публицист, редактор журнала «Домашняя беседа», целью которого было «крепко стоять на твёрдой почве Святого Православия и народности русской».

³⁷ Письма К. Д. Ушинского к священнику И. С. Белюстину ... — С. 70.

³⁸ Там же.

Кстати, в „Русском мире“ разругали мой „Труд“, тут же задели и „Вопросы жизни“ г. Пирогова. Досталось нам обоим! Спасибо, что поставили рядом, я сознаюсь откровенно: этой чести не заслужил» (С. 66—68).

«30 марта 1861 г. „Детский мир“ мой идёт порядочно, хотя министерские учёные шуты расщипали его порядочно, произнеся великолепнейшую похвалу книге Паульсона для чтения и практических упражнений в русском языке, столь богатой удачными выписками из Стёпки Растрёпки и произведений Бориса Фёдорова. Что ж делать? Просветители народа нуждаются немножко в честности, но само собою разумеется, что этот маленький недостаток покрывается множеством других достоинств. Честность ещё не Бог знает какая птица и без неё очень легко может обойтись такое важное лицо, как вице-директор департамента и т. п. Впрочем, я не унываю и, несмотря на строгий суд превосходительных ценителей, печатаю своей книги 10000 экземпляров» (С. 66—68).

«11 марта 1861 г. Благодарю Вас за хороший отзыв о моей статье „Проект учительской семинарии“. Действительно, я положил в неё много искреннего желания добра. Да. Мне и теперь кажется, что он очень удобоисполним. Но, увы! Проект остался только проектом...» (С. 72).

Заграничная командировка К. Д. Ушинского

В конце 1861 года К. Д. Ушинский писал священнику И. С. Белюстину: «...здоровье моё окончательно разбито и мне время подумать о том, чтобы не оставить детей своих бесприютными сиротами, так как именишко наше до тла разорено. Что я сделаю с собой, и сам ещё не знаю, но на первый раз думаю в феврале ехать за границу, и если там понравится, то поселюсь где-нибудь в Германии и займусь для денег детской литературой, для себя и немногих — психологией и педагогией, а для детей — их воспитанием, так как это единственное наследство, которое могу им оставить. Вот мои мечты, но даже не планы, так много препятствий к их осуществлению»³⁹.

22 марта 1862 года К. Д. Ушинский подал прошение на имя главного управляющего IV Отделением Императорской канцелярии принца Петра Георгиевича Ольденбургского: «Расстройство груди принуждает меня ехать за границу на год, а потому я и подал в местный Совет Воспитательного Общества благородных девиц и С.-Петербургского Александровского училища прошение об увольнении меня от должности инспектора классов. Но чувствуя себя в силах и за границей быть полезным для учебных заведений, имеющих счастье находиться под начальством

---

³⁹ Письма К. Д. Ушинского к священнику И. С. Белюстину ... — С. 74.

Вашего Императорского Высочества, я осмеливаюсь прибегнуть к Вам с моею всепокорнейшею просьбой — позволить мне остаться членом Учебного комитета при IV Отделении Собственной Его Императорского Величества канцелярии с оставлением мне получаемого мною ныне годового содержания по должности инспектора классов. <...> **Я надеюсь, что сведения, которые я мог бы собрать там в образцовых женских учебных заведениях, сиротских институтах и учительских семинариях, не остались бы бесполезными при соображениях тех новых учреждений и преобразований, которые Ваше Высочество изволите предпринимать»**⁴⁰.

Резолюция от 12 апреля 1862 года на поданное Ушинским прошение гласила: «Её Императорское Величество⁴¹, уволив инспектора классов Общества благородных девиц и Александровского училища, коллежского советника Ушинского от занимаемой им должности, всемилостивейше повелеть изволила причислить его в качестве члена по состоящему при IV Отделении Учебному комитету с сохранением... получаемого им ныне содержания... причём возложить на него поручение осмотреть некоторые из замечательнейших заграничных училищ и представить по возвращении возможно подробное об устройстве и управлении заведений описание»⁴².

Главный педагогический интерес К.Д.Ушинского за границей вызывали женские учебные заведения, но также в целом устройство народного образования в Швейцарии. «Действительно, — писал он, — из Швейцарии вышли и разнеслись по целому миру те великие педагогические идеи, которые преобразовали и продолжают преобразовывать воспитание во всех странах Европы; в Швейцарию... стремятся учиться искусству воспитания друзья человечества, те благородные мечтатели, которые, испуганные грозными явлениями общественной жизни, повсюду искали средств направить род человеческий на истинный путь. <...> Точкой отправления для всего этого умственного движения в педагогическом мире были, конечно, учение и школы Песталоцци и Фелленберга. Как ни проста нам кажется теперь идея, что **цель народной школы** состоит не в том, чтобы внести в головы детей известное количество определённых знаний, которые они потом позабудут, и сообщить им технический навык чтения и письма, которым они не воспользуются, но в том, **чтобы школьным занятием развить способности детей, естественным путём раскрыть в них разумный**

---

⁴⁰ Переписка К.Д.Ушинского с администрацией IV Отделения Императорской канцелярии в связи с заграничной командировкой // *Ушинский К.Д. Собрание сочинений.* — Т. 11. — С. 328–329, 330.

⁴¹ Императрица Мария Александровна.

⁴² Переписки К.Д.Ушинского с администрацией IV Отделения ... — С. 330–331.

взгляд на окружающую их природу и общественные отношения и сделать их способными к самостоятельной разумной жизни и деятельности; — как ни проста эта идея теперь, но в то время она была великим открытием Песталоцци, открытием, которое принесло и приносит человечеству более пользы, чем открытие Америки»⁴³.

За границей К.Д.Ушинский вместе с семьёй прожил пять лет — с 1862 по 1867 год. Первым результатом его педагогических наблюдений стали семь писем, опубликованных под названием «Педагогическая поездка по Швейцарии» в «Журнале Министерства Народного Просвещения» в 1862 (№ 12) и 1863 (№ 1, 3, 4, 6) годах. Письма из Швейцарии были подготовлены Ушинским на основе дневниковых записей, которые он вёл во время поездок. Эти первоначальные дневниковые записи под названием «Педагогические заметки о Швейцарии (сент. 1862 г.)» стали доступны лишь в 1945 году в связи с истекшим 75-летием со дня смерти К.Д.Ушинского, а впервые они были опубликованы в 1952 году, в составе 11-го тома собрания сочинений.

По прибытии в Швейцарию в мае 1862 года К.Д.Ушинский поселился в пригороде Веве на Женевском озере, в местечке под названием Ла Тур-де-Пей, где начал проходить курс лечения сывороткой. Летом он перебрался в Интерлакен — небольшой курортный городок у подножия гор, в кантоне Берн, где воздух был прохладнее и где он продолжил лечение сывороткой. 24 июля Константин Дмитриевич писал своему близкому другу Александру Ильичу Скребицкому: «Я решил на месяц со всем семейством поселиться в Интерлакене и сегодня жду жену с детьми; потом же на виноград попробую перебраться в Веве, где за нами осталась квартира... <...> Сыворотку я пью по четыре стакана, но она действует на меня плохо... Здоровье же не поправляется, но как бы там ни было на зиму я не поеду ни в Италию, ни в Африку, а поселюсь в Германии, думаю в Гейдельберге или в Штутгарте»⁴⁴.

24 августа 1862 года К.Д.Ушинский писал педагогу Смольного института Михаилу Ивановичу Семевскому: «Ах, как рано и не в пору мы расстались с вами. И не собраться уже такому педагогическому кружку, по крайней мере, вокруг меня ему уже не собраться... Вспоминаете ли Вы день нашего прощания? Я часто вспоминаю его и рад, что мог минутку побыть ещё молодым... Здоровье моё с каждым днём становится всё хуже и хуже, и швейцарский воздух не заменит мне недостающей деятельности. Теперь я живу в Интерлакене; на осень, с 4-го сентября нов. стил., переберусь опять

---

⁴³ Ушинский К.Д. Педагогическая поездка по Швейцарии. — С. 88, 95.

⁴⁴ Письма К.Д.Ушинского к А.И.Скребицкому // Ушинский К.Д. Собрание сочинений. — Т. 11. — С. 195–196.

в Веве на виноградный курс, а потом думаю поселиться в Гейдельберге, где живёт Л.Н.Модзалевский»⁴⁵.

В этом же письме Константин Дмитриевич делился первыми впечатлениями о жителях Швейцарии: «Здесь можно кататься, но жить трудно: в этих людях столько чуждого и так мало общечеловеческого, право, гораздо менее, чем в нас русских. Здесь у каждого своё правило в жизни, т.е. известная маска, которую он носит и не скидает даже, я думаю, и перед женою. Оно, может быть, так и следует, но для русского скучен этот вечный маскарад. У нас уже слишком мало правил, принципов, зато сердце чаще выходит наружу со всеми своими достоинствами и недостатками. Если образование в том и состоит, чтобы выдумывать получше маску и выучить носить её, то Господь с ним — оно для нас не годится. <...>

Здесь в Швейцарии, я убеждаюсь с каждым днём всё более, что политическая свобода не есть ещё венец счастья человеческого. Ну, вот они и свободны. Что же из этого? Позвоните только кошельком, и вы имеете перед собой самых безответных рабов; это самое нескончаемое рабство, а вся их свобода — какой-то парад, которым они и восхищаться уже перестали. Чтобы поправить Швейцарию, нужно бы её придавить: но кто знает, может быть, теперь она и не поправилась бы более, потому что нет в них уже нисколько одушевления, и одни только деньги могут их оживить. Осенью загляну в Италию, там люди теперь истинно счастливы, борются, надеются, любят, ненавидят, а здесь всё уже приобретено, остаётся торговать, есть, пить и спать. А пьют они отлично! За что же нас, русских, упрекают в пьянстве? Да тут пьянствуют гораздо более — и венцом швейцарского счастья считается возможность пить каждый день и бродить вполпьяна»⁴⁶. Ушинский упомянул в письме Италию, где «люди истинно счастливы, борются, надеются, любят, ненавидят», не случайно. Подъём национально-освободительного движения, который происходил в это время в Италии, вызывал большие симпатии у русских людей. Летом 1862 года Дж.Гарибальди предпринял поход на Рим, во время которого был тяжело ранен в ногу и арестован. Отправившись в Италию, знаменитый русский хирург Н.И.Пирогов своей консультацией спас Гарибальди от ампутации ноги. К.Д.Ушинский писал об этом бывшему своему соратнику по Смольному институту, педагогу Л.Н.Модзалевскому 3 ноября 1862 года: «Поступок Н.Ив. Пирогова не мог увеличить моего уважения к нему только потому, что более уважать кого-нибудь, как я его уважаю, нельзя. Как бы я был счастлив, да и все порядочные русские люди, вероятно, если б эта

---

⁴⁵ Письма К.Д.Ушинского к М.И.Семевскому // *Ушинский К.Д. Собрание сочинений*. — Т. 11. — С. 158.

⁴⁶ Там же. — С. 158—160.

поездка принесла действительную пользу итальянскому герою... Сколько благородства в этом поступке, а впрочем, таким людям, каков Н. Иванович, нечего и думать об этом. Как бы мне хотелось видеть этого человека и познакомиться с ним...»⁴⁷. Ещё в августе 1862 года Константин Дмитриевич писал Льву Николаевичу: «Завидую вам, что вы живёте в одном городе с Н. Ив. Пироговым. Для него одного стоит поселиться на зиму в Гейдельберге. Я никогда не видел этого человека, но едва ли есть кто-нибудь другой, которого я уважал бы более...»⁴⁸.

В этом же письме К. Д. Ушинский сообщал: «О себе скажу, что провёл это время гораздо хуже, чем надеялся. Здоровье моё, против всякого ожидания, стало хуже, а недостатка деятельности и людей, к которым я привык, не могла мне заменить прекрасная природа Швейцарии. Я отдохнул душой только с приездом Якова Павловича⁴⁹, — дай Бог ему здоровья! — а теперь принялся за труд, и мне легче. Пишу покуда детскую книжку: этот труд не превышает слабых сил моей расстроенной души. Если немного станет полегче, примусь за Педагогику. Заведений я осмотрел ещё очень мало, но как только кончу питьё сыворотки, так и поеду по Швейцарии, впрочем, — в два, три города, не более. Что видел, то недурно, но не оправдало моих ожиданий: какая-то усталость заметна во всех, а многое следовало бы ещё сделать. До зимы я побываю в Гейдельберге и, если он понравится и медицина разрешит, то поселюсь в нём на зиму... Я должен продержать курс виноградного лечения в Веве и, воспользовавшись этим временем, съезжу в северную Италию, если здоровье позволит...»⁵⁰.

«Детская книжка», о которой Ушинский сообщил Л. Н. Модзалевскому, предназначалась для первоначального обучения детей младшего возраста отечественному языку. Во время своего пребывания за границей Константин Дмитриевич приступил к составлению «Родного слова», неоднократно переписывал и доделывал его, что нашло отражение в переписке, и издал в 1864 году. Что касается руководства по педагогике, написание которого было одной из целей заграничной командировки, то он понимал, что даже самое лучшее руководство не создаст хороших педагогов без познаний антропологических, т.е. фундаментальных знаний о человеке. Выпускник Московского университета, писатель и педагог, редактор «Журнала Министерства Народного Просвещения» (в 1862—1866 гг.) Ю. С. Рехневский писал: «В Германии, где философские знания составляют основу всякого высшего обучения, немецкие учебники впол-

---

⁴⁷ Письма К. Д. Ушинского к Л. Н. Модзалевскому // *Ушинский К. Д. Собрание сочинений*. — Т. 11. — С. 167.

⁴⁸ Там же. — С. 166.

⁵⁰ Я. П. Пугачевский, близкий друг Ушинского, соратник по Смольному институту.

не достигают своей цели. Но у нас философские знания распространены менее, чем где-либо, и мы по скудости университетского преподавания философских наук и по отсутствию сколько-нибудь удовлетворительных философских сочинений в нашей литературе лишены всякой возможности приобретать эти знания. Поэтому-то, желая добросовестно исполнить принятую на себя обязанность, Ушинский не видел другого средства, как написать общепонятный учебник антропологии»⁵¹.

В сентябре 1862 года К. Д. Ушинский совершил запланированную им педагогическую поездку по Швейцарии. В своём дневнике он записал: «**7 сентября (н.ст.)** я приехал ночью в Берн. 8-го утром отправился прямо к Фрёлиху в его *Einwohner-Mädchenschule* и пробыл там весь день»⁵². Женское училище под руководством известного педагога Фрёлиха благодаря его усилиям за несколько лет превратилось из маленького заведения в «целый огромный институт различных, органически связанных заведений», начиная от школ для малолетних детей возрастом 3–5 лет и заканчивая высшей школой, приготавливающей преподавательниц. Делясь первыми впечатлениями от посещения школы Фрёлиха, Ушинский вспоминал оставленный им Смольный институт благородных девиц и сравнивал себя с купцом, потерявшим в плавании и судно, гружёное дорогими товарами, и семью, и друзей, и попавшим наконец в тот самый город, куда думал доставить свои сокровища. «Вдруг видит он, — писал Ушинский, — как другой купец, который выехал вместе с ним и счастливо достигнул избранной гавани, раскладывает свои товары и берёт громадные барыши, о каких и он, бедняга, когда-то мечтал... Всё воскресло в душе бедняка, обиженного бурей: и семья его, и дети, и друзья, и каждый товар, поглощённый морем; слёзы полились из глаз — и тяжело ему и больно... Так, ходя по заведению Фрёлиха, всё вспомнил я, и опять наполнилось моё сердце сожалением, злобой, мстью... а более всего живым, трепещущим огорчением»⁵³. Намереваясь посвятить этому заведению два-три дня, Ушинский знакомился с его работой более недели, «приходя каждое утро, а часто и после обеда, и переходя с урока на урок»⁵⁴.

По сложившемуся у него мнению, училище Фрёлиха оказалось «самым отрадным, самым выработанным явлением швейцарской педагогической жизни». Неслучайно именно ему в «Письмах из Швейцарии» Ушинский отвёл центральное место: «...именно прекрасное заведение Фрёлиха, более чем какая-либо другая школа, вызывает педагогическую

⁵¹ Рехневский Ю. С. Константин Дмитриевич Ушинский (некролог) // Ушинский К. Д. Собрание сочинений. — Т. 11. — С. 424.

⁵² Ушинский К. Д. Педагогические заметки о Швейцарии (сент. 1862) // Там же. — С. 64.

⁵³ Там же. — С. 64–65.

⁵⁴ Ушинский К. Д. Педагогическая поездка по Швейцарии. — С. 143.

мысль. <...> Школа Фрёлиха потому в особенности удобна для описания, что представляет в одном стройном организме всю систему швейцарских школ, так что мне впоследствии останется только говорить об особенностях той или другой школы»⁵⁵. А позже, в 1867 году, он писал: «Таких заведений, как фрёлиховское в Берне, доводящих образование женщин до высшего возможного для неё предела, мало и в Швейцарии, и в Германии»⁵⁶.

Посетив несколько уроков в школе Фрёлиха, Ушинский отмечал: «В преподавании не было ничего особенного. Хорошие учителя и у нас преподают так же, но много ли у нас этих хороших учителей?»⁵⁷. Учительницы, а их в школе было втрое больше учителей, все были воспитанницами этого учебного заведения. «А у нас ещё сомневаются в том, могут ли женщины занимать преподавательские должности в младших классах! Приезжайте к Фрёлику и убедитесь, что и учителей таких немного, каковы его учительницы»⁵⁸, — писал К. Д. Ушинский. Подготовкой будущих учительниц в школе занимался сам Фрёлих. Неизгладимые впечатления остались у Константина Дмитриевича от посещения его урока по педагогике: «Вот это урок! вот это преподаватель! Какие богатые психические и физические способности педагога и какая обработка! <...> Тема лекции была та, как из образов, воспринятых ребёнком, формируются понятия и как воспитательница может содействовать этому растительному процессу души, как должна заботиться о чистоте и верности этих образов и содействовать правильному образованию из них понятий. Но по поводу этой темы г. Фрёлих воротился несколько назад и показал, как должно учить ребёнка воспринимать образы — слушать, видеть, ощущать — и как это важно. Может быть, профессор сделал это ради меня, а может быть, и гораздо скорее, для того, чтобы напомнить всем главную тему своей педагогики, которую можно выразить двумя словами: „не вали в душу, что попало, а давай ей необходимую в том или другом возрастном периоде пищу и смотри, как она растёт“»⁵⁹.

По признанию Ушинского, главное, что поразило его в учительницах Фрёлиха, — «это необыкновенный дар слова; родное слово выработано, создано и усвоено превосходно»⁶⁰. И это было неслучайно: «Здесь вошло уже в общее, глубокое убеждение, что разработка в воспитываемомся

---

⁵⁵ Ушинский К. Д. Педагогическая поездка по Швейцарии. — С. 153.

⁵⁶ Отчёт командированного для осмотра заграничных женских учебных заведений коллежского советника К. Ушинского // Ушинский К. Д. Собрание сочинений. — Т. 3. — С. 467.

⁵⁷ Ушинский К. Д. Педагогические заметки о Швейцарии (Сент. 1862). — С. 71.

⁵⁸ Там же. — С. 77.

⁵⁹ Там же. — С. 72.

⁶⁰ Там же. — С. 75.

поколении родного слова (а не французское произношение) есть основание воспитания и учения. Слово есть плоть духа, и пока дух не выработается в эту плоть, не овладеет совершенно свободно малейшей её частичкой, не проглянет сквозь неё совершенно ясно для самого себя и для других, — до тех пор оно, что колодник в цепях, что птица в клетке, что зверь в сети, — бьётся, рвётся и вянет от недостатка жизни, свободы, атмосферы, движения! Недаром и философское Евангелие Иоанна начинается глубоким, как небо, изречением — „Слово стало плотью“. Да и в каждом человеке дух должен воплотиться в слово, иначе он не только не принесёт плода, но не будет и сам развиваться, — вымокнет, как зерно под водой. И немцы не только усвоили себе эту идею, но и бьются изо всех сил, чтобы провести в жизнь её до возможных пределов. Отечественный язык — центр всех наук, особенно в женских заведениях; в мужских ещё приносят жертву классическим языкам — этому Молоху, поглотившему бесплодно столько человеческих жизней. Не только начинают с трёх лет разрабатывать язык ребёнка; не только число уроков родного языка громадно, но каждый урок есть вместе с тем урок родного языка.

Во всех школах, где я ни был, учительница (я видел почти одних учительниц) обращает самое сильное внимание на точность, полноту и красоту выражений; даже в самом старшем классе требуют такого выражения. У нас же по большей части довольствуются, если угадывают мысль в бессвязном, заикающемся ответе; а учителя других предметов и вовсе не обращают внимания на язык. Это положительно дурно»⁶¹. В «Письмах из Швейцарии» Ушинский писал, обращаясь к русской аудитории: «Новые училища наши должны бы быть проникнуты убеждением, что слово есть единственная сфера развития духа и что на обладании этой сферой должно строиться всякое учение и развитие»⁶².

Другой школьный предмет, о важности которого писал К.Д. Ушинский, — **отечествоведение**. «Под этим названием выработан немецкими педагогами на прочном основании, положенном Песталоцци, особенный предмет, не существующий в прежних учебных курсах и не введённый ещё в наши училища»⁶³. «Легко себе представить, сколько ярких, верных действительности образов, совершенно конкретных, накопится в душе детей от такого живого, наглядного, осязательного курса. <...> Как светло, как сознательно и разумно может взглянуть дитя после такого курса на окружающий мир! В подготовительной школе, какова школа Фрёлиха, этот курс вводит детей в науку, но не как в мёртвую грудку книг, а как в живое изъяснение мира,

---

⁶¹ Там же. — С. 76–77.

⁶² Ушинский К.Д. Педагогическая поездка по Швейцарии. — С. 167.

⁶³ Там же. — С. 168.

исполненной жизни. Кроме того, подобный курс даёт богатейший и разнообразнейший материал при изучении родного языка. Из него черпается содержание для всех упражнений детей в выражении своих мыслей и содержание живое, изученное наглядно, осязательно, а не те тени из мира мечты, которыми занимаются иногда наши ученики. <...> Руководство к такому **курсу для учащихся** можно и должно составить»⁶⁴.

Большое впечатление на русского педагога произвело пение детьми швейцарских народных песен из специально составленной для школ книги: «Что за могучее, оживляющее, организующее педагогическое средство **хоровое пение!** Уже из того одного, что у нас не введено в школах хоровое пение и что никто из наших стихотворцев и музыкантов ничего для школ не сделали, можно видеть, как мало мы заботились о действительном, внутреннем прогрессе в наших школах. Вы заметили, что класс ваш устал, расклеился и дело не идёт на лад, — выберите песню, или лучше — предложите детям выбрать их родимую песню (выписать надобно самую песню о кукушке), и пусть они пропоют её хором, или ещё лучше, если можете, пропойте её с ними вместе, и вы увидите, как освежится, оживёт ваш класс, все вострепнутся, расправятся, как истомлённые жаром цветы после грозового дождя. В песне есть не только что-то оживляющее человека, ободряющее его, но что-то организующее, располагающее дружных певцов к дружному делу. В песне есть нечто необычайно человеческое: один человек поёт; даже соловей и тот только кричит, а хоровое пение сливает несколько душ в одну душу; несколько отдельных ощущений — в одно глубокое, сильное чувство; несколько отдельных мыслей — в одну мысль; несколько отдельных сердец и душ — в одно сердце и в одну душу. А это чрезвычайно важно для школы, которая дружными усилиями все должна победить трудности учения»⁶⁵.

К.Д.Ушинский признавался на страницах своего дневника: «Школа Фрёлиха как-то подняла всё с самого дна души моей, расшевелила самые запряжанные, давно, казалось, позабытые уголки её, вызвала к жизни многое, что, казалось, давно уже покрыто пеплом...»⁶⁶. После посещения этого замечательного учебного заведения К.Д.Ушинский осмотрел в Берне ещё «кантональное училище и одну первоначальную школу»⁶⁷.

11 сентября 1862 года он посетил главную учительскую семинарию Бернского кантона, располагавшуюся в Мюнхенбухзее (директор г. Рюгг), в полутора часах от Берна. В соседнем с ним Гофвиле «за домами

---

⁶⁴ Ушинский К.Д. Педагогическая поездка по Швейцарии. — С. 173–174.

⁶⁵ Ушинский К.Д. Педагогические заметки о Швейцарии (Сент. 1862). — С. 82–83.

⁶⁶ Там же. — С. 79.

⁶⁷ Ушинский К.Д. Педагогическая поездка по Швейцарии. — С. 187.

в куче деревьев выделяется небольшой памятник: здесь спит Фелленберг! Дорога — живописные окрестности: небольшие озёра и далее предгорья Альп, природные болота, и там добывают торф. По дороге опять Бургдорф с живописным замком — опять Песталоцци — это его первое заведение. Любил хорошие, широкие виды с сельскими картинами. Классическая земля педагогики, здесь родилась современная педагогика, сюда приезжали учиться со всех концов земли, отсюда развились и разнеслись по всей земле тысячи разнообразных зёрен... только в Россию не принесено ничего почти, хотя и оттуда ездили»⁶⁸.

Ночью Константин Дмитриевич приехал в Баден — город в кантоне Аргау, а на другой день, 13 сентября, рано утром отправился в Веттинген, где в здании бывшего католического монастыря располагалась известная Веттингенская учительская семинария (директор г. Кеттигер)⁶⁹. **«Хозяйственно-воспитательный элемент, вылившийся из природы Кеттигера, устроен отлично,** — замечал К.Д. Ушинский, — и следовало бы только усилить элементы — образовательный и технический, потому что не надобно забывать, что это воспитываются не крестьяне... но учителя и, следовательно, хорошие техники-педагоги, единственно поддерживающие в сельском населении духовные интересы»⁷⁰.

14 сентября 1862 года К.Д. Ушинский прибыл в Цюрих⁷¹. В этот день он сообщал в письме священнику И.С. Белюстину:

«Теперь только я начал свою педагогическую поездку по Швейцарии, а то до сих пор зевал на горы и пил сыворотку. Не скажу, чтобы здешние школы превзошли моё ожидание; напротив, в моём воображении рисовалось нечто лучшее; но, как по сравнению с тем, что делается у нас, то невольно вздохнёшь: да, отстали мы, сильно отстали, и догонять, кажется, всё только собираемся. Здесь не пройдёшь полуверсты, как наткнёшься на какое-нибудь учебное заведение: то первоначальные школы, то второстепенные, то семинария учителей, то учительниц, то заведения для глухонемых, то для слепых... то рабочая школа, то сельскохозяйственное училище, то сельская библиотека... и все идут недурно, а иные и отлично; словом, просветительных и воспитательных заведений больше, чем у нас кабаков; в каком-нибудь городишке тысяч пять жителей — и десять, пятнадцать учебных заведений, две-три библиотеки, литературный клуб, благотворительное общество, газета. Сначала так, право, одурь возьмёт — точно ходишь в одной какой-нибудь громадной столице. Не описываю Вам самих школ,

---

⁶⁸ Ушинский К.Д. Педагогические заметки о Швейцарии (Сент. 1862). — С. 90.

⁶⁹ Там же. — С. 91.

⁷⁰ Там же. — С. 98.

⁷¹ Там же. — С. 99.

потому что если Бог даст мне силы обработать собранные материалы — а собрано их немало, — то Вы прочтёте в „Журнале Министерства Народного Просвещения“ ряд моих педагогических писем с дороги. <...>

А славный этот город Цюрих, и как, должно быть, уютно жить образованному цюрихцу, конечно, любящему книжное дело. Недаром Цюрих зовут швейцарскими Афинами. <...> ...здесь учёных и учебных средств более, чем в Петербурге; учёных и образованных людей также более втрое, да жить дешевле вчетверо, да климат лучше впятеро, да окрестность красивее в 100 раз и проч. и проч... Но почему же ты не весел, не счастлив в таком прекрасном месте, спросите Вы, может быть. Но нет, Вы этого не спросите... **Что воздух для животного, то Родина для человека, хотя бы эта Родина была закрыта петербургскими туманами, тонула в петербургских болотах... Что я здесь такое? Зевало без роду и племени, заживо похороненный человек, и живу только тогда, когда забываю, где я тружусь для моей родной страны.**

На зиму думаю поселиться в Гейдельберге, где остановился и Н. И. Пирогов. Хочется мне очень сойтись с этим человеком: в нём много для меня сочувственного. **Неужели мы оба не нужны для России педагоги?.. Моя песня, кажется, уже спета, но неужели Н. И. Пирогов проживёт даром; он хоть и не молод, но ещё очень богат силами; неужели эти силы не нужны стране, где нет ни одного порядочного приходского училища и где нужны их сотни тысяч?**

Что у Вас поделявается? Вышла ли Ваша книга в свет и пришлёте ли Вы мне экземплярчик? Оно бы мне очень кстати почитать хоть что-нибудь про обедню, которой вот уже четыре месяца я не слышал. **Вот что бесспорно лучшее у нас в России, так это Православная Церковь. Эх, если б, наконец, русские догадались, каким сокровищем они обладают, и поняли, наконец, что можно построить на этой скале, простоявшей незыблемо полторы тысячи лет и только поросшей мохом. Был я и в лютеранских, и в католических церквях и понял, почему наши деды предпочли Греческую Церковь всему, что видели.**

Сделайте одолжение, многоуважаемый Иван Степанович, пишите ко мне; я так нуждаюсь, чтобы кто-нибудь из близких душе моей поддержали меня хоть письменным словом; иногда одолевает такая тоска, что не знаешь, что и делать. Точно будто шёл, шёл да и заблудился в дремучем безвыходном лесу. И много народу, а людей нет. В национальности есть какая-то непереходимая грань: отличный человек, услужливый, умный, добрый, много одинаковых мыслей, а не подойдёшь к душе его ни с которой стороны — немец, да и только. Пишите же, добрейший Иван Степанович; дети и жена моя сидят в Веве, пока я странствую по школам, а то бы, без сомнения,

послали вам поклоны. <...> Воротившись в Веве, примусь за виноградное лечение — для препровождения времени, а там, если даст Бог, съезжу недели на две в Италию»⁷².

В «Письмах из Швейцарии» К. Д. Ушинский писал о своём пребывании в Цюрихе: «По приезде в Цюрих я прежде всего запасаюсь уставами и различными шульборднунгами, которые мне с величайшей готовностью выдали в канцелярии Воспитательного совета; причём мне невольно припомнилось, с каким трудом получались у нас всякого рода официальные документы. Я осмотрел в Цюрихе женское городское училище, секундарную школу и две первоначальных; но прежде чем говорить о них, опишу Кюснахтскую семинарию, куда я отправился дня через четыре... потому что из Кюснахтской семинарии вышло и выходит до сих пор новое устройство цюрихских школ»⁷³.

Кюснахтскую учительскую семинарию (директор г. Фрис) К. Д. Ушинский посетил 16 сентября⁷⁴ В «Письмах из Швейцарии» он писал: «Семинария эта не только приготавливает хороших учителей, но воспитывает отлично образованных молодых людей... Но что годится для крошечного цюрихского кантона... то не годится даже для других, более сельских, швейцарских кантонов, а тем более для нас. Это, впрочем, никак не значит, чтобы мы не могли занять многого у Кюснахтской семинарии: можно отовсюду брать полезное, но только надо уметь применять»⁷⁵.

Разговаривая с учителями семинарии, Ушинский убедился в том, что они понимают необходимость религии в деле воспитания, «понимают, что без религиозного цемента им нечем будет скрепить всех своих разрозненных педагогических действий и что с потерей высшей цели жизни само воспитание утратит свою цель»⁷⁶. Однако в самой семинарии, по выражению Ушинского, «религии и запаха нет»: «Г-н Фрис разработал с воспитателями преимущественно одну историческую сторону христианства. Молитвы сокращены до возможно малых размеров. По выражению одного учителя, либерализм преобладает в заведении, т.е. материализм, по моему выражению, хотя педагог не может быть без религии, по его же словам. В этом — необходимое противоречие, которое подорвёт в самом корне педагогическую деятельность, раздвоивши её всю непременно. <...>

Я спросил у г. Фриса, в каком отношении теперь духовенство и воспитание?

---

⁷² Письма К. Д. Ушинского к священнику И. С. Белюстину ... — С. 75–78.

⁷³ Ушинский К. Д. Педагогическая поездка по Швейцарии. — С. 230.

⁷⁴ Ушинский К. Д. Педагогические заметки о Швейцарии (Сент. 1862). — С. 107.

⁷⁵ Ушинский К. Д. Педагогическая поездка по Швейцарии. — С. 244–245.

⁷⁶ Там же. — С. 249.

– Теперь в самом близком, — отвечал мне Фрис, — а несколько лет тому назад педагогическое сословие, вырывавшееся из-под его опеки, не хотело о нём и слышать; на последнем же собрании сами воротились к тому порядку, чтобы во главе общины воспитателей стояло духовное лицо.

– Какие причины?

– А причина та, что пастор имеет везде большую силу в общине и может своим влиянием поддержать школу, заставить посещать её, заставить платить аккуратно жалованье, даже увеличить это жалованье; и там он хвастает школами, там и кормятся учителя.

Ларчик открывается просто. Опять это тот же утилитаризм!»⁷⁷.

«Утилитаризм и науки и свободы и религии есть отличительный, как мне кажется, характер самого цюрихца, и этот цюрихский характер нашёл себе полное выражение в Кюснахтской семинарии и её директоре»⁷⁸.

«И потом я простился с любезным хозяином. По дороге задумался: не стало бы с педагогией то, что стало с католической религией — сначала одушевление, а потом — приличная форма»⁷⁹.

Завершая свою педагогическую поездку по Швейцарии, К.Д.Ушинский писал: «Возвращаясь в Цюрих по берегу прекрасного озера, я невольно соединил в своём воспоминании все четыре семинарии, которые я видел, и не знал решительно, какой из них отдать пальму первенства; всякая из них имеет свои хорошие и свои слабые стороны. Но как они различны, как в каждой из них отразился свой особенный характер: семинария Фрёлиха дышит поэзией; семинария Рюга — строгой логикой и методой; семинария Кеттигера — здоровьем сельской семейной жизни; семинария Фриса — наукой, современностью, ясным спокойным рассудком и утилитаризмом. <...> **Боже мой! думал я про себя, вспомнив многие наши полуиностранные учебные заведения: когда же мы увидим такие же характерные русские воспитательные заведения и во главе их такие же типические русские личности в высоко развитой, облагороженной форме, когда подобные личности будут развивать в воспитателях благороднейшие черты истин русского характера, а воспитатели будут вызывать этот характер в молодых поколениях русского народа!**»⁸⁰.

На этих словах «Письма из Швейцарии» К.Д.Ушинского заканчиваются. Все семь писем были подготовлены им по результатам его

⁷⁷ Ушинский К.Д. Педагогические заметки о Швейцарии (Сент. 1862). — С. 113—114.

⁷⁸ Ушинский К.Д. Педагогическая поездка по Швейцарии. — С. 250.

⁷⁹ Ушинский К.Д. Педагогические заметки о Швейцарии (Сент. 1862). — С. 115.

⁸⁰ Ушинский К.Д. Педагогическая поездка по Швейцарии. — С. 251—252.

поездки по стране в сентябре 1862 года. В первом письме автором был дан экскурс в историю Швейцарии и народного образования в швейцарских кантонах, во втором письме представлено устройство народного образования в Бернском кантоне, а также затронут российский проект устава общеобразовательных заведений, третье и четвёртое письма посвящены школе Фрёлиха, пятое — поездке в Мюнхенбухзее и Гофвиль, шестое письмо — посещению учительской семинарии в Веттингене в Арговийском кантоне, седьмое письмо — школам Цюриха и Кюснахтской учительской семинарии.

Отдельные сведения о дальнейшем ходе заграничной командировки К.Д.Ушинского, его мысли о России и об устройстве народных школ можно почерпнуть из дневниковых записей («Педагогические заметки о Швейцарии» (сент. 1862)») и писем друзьям.

Вернувшись в Веве, Ушинский сообщал в письмах друзьям о прошедшей поездке, своём самочувствии и планах на будущее. 23 сентября он писал А.И.Скребицкому: «Осмотрев главнейшие заведения Швейцарии, я собрал всё, что нужно, чтобы не совсем даром заедать казённые деньги. Теперь я опять в Веве и принялся за виноградный курс. Сыворotka мне помогла немного, правда, но всё же я чувствую себя получше. Винограду ем теперь фунта по 4 в день, и, кажется, действует недурно... Работаю понемногу, и это меня утешает и развлекает. <...> Я приготовил книгу к печати, но не знаю ещё, когда начну печатать. Теперь готовлю письма из педагогической поездки, но всё это пахнет какой-то вялой работой, которой недостаёт живой веры в лучшее будущее. Грустно сеять на таком поле, где завтра же могут всё вырвать, что сегодня посеяно. Долго ли нам ещё суждено толочь воду?»⁸¹.

3 ноября 1862 года К.Д.Ушинский писал Л.Н.Модзалевскому: «Я отправил уже второе письмо в „Ж.М.Н.Пр.“ о швейцарских школах и в последнем несколько затронул проект»⁸². Очевидно, речь идёт о проекте народных училищ, разрабатывавшемся в Учёном комитете Министерства Народного Просвещения под руководством его председателя А.С.Воронова⁸³. К.Д.Ушинский внимательно следил за тем, что происходило в России: «Теперь только я прочёл этот проект внимательно и теперь только увидел, что это за нелепая вещь, — просто набор фраз, так и дышащих словесным факультетом, не в обиду вам будь сказано. Сначала я было очень испугался, чтобы не утвердили такую штуку и не привели бы её

---

⁸¹ Письма К.Д.Ушинского к А.И.Скребицкому. — С. 197, 198.

⁸² Письма К.Д.Ушинского к Л.Н.Модзалевскому. — С. 167.

⁸³ Примечание к статье: *Модзалевский Л.Н.* К биографии К.Д.Ушинского // *Ушинский К.Д.* Собрание сочинений. — Т. 11. — С. 439.

в исполнение, но потом, вчитавшись ещё поглубже, успокоился — нельзя его привести в исполнение: он неисполним, а потому безопасен. Вреден только тем, что время уходит, а ничего порядочного не делается; только толкуют о пустяках... А жаль! **Теперь именно настаёт время, когда России более всего нужны школы, хорошо устроенные, и учителя, хорошо подготовленные, — и много, много школ: иначе и свобода крестьян, и открытое судопроизводство не принесут всей той пользы, какую могли бы принести эти два истинно великие шага вперёд.**

В одной немецкой газете прочёл я, после брани Франции, Пруссии и разным немецким князькам, следующие слова: „**Одна только Россия идёт твёрдыми и быстрыми шагами к прогрессу и делает дела на столетия**“, и нашёл, что если это не совсем, то немножко правда; **но школу, народную школу дайте ей! И тогда через тридцать лет станет она на прямую дорогу. Вас ждёт, господа, лучшее время, чем то, в которое мы бились, как рыба об лёд; готовьтесь же с любовью, с увлечением к тому великому поприщу, которое вас ожидает, — без утопий, но и без охлаждения, с верою в Провидение и в человечество, в его божественное назначение — потому что без веры ничего не сделаете.** Да и стоило ли бы трудиться для куска грязи, для живой плесени, заведшейся на земле, которая сегодня есть, а завтра не будет...

То, что привёз мне С.И.⁸⁴ из русского педагогического мира, мало утешительно: видно, что „кто в лес, кто по дрова“. Хотят чего-то особенного от русской школы, не понимая того, что законы души и её развития везде одинаковы, и что народность нужна, необходима, но что она состоит не в том, чтобы поставить нашу школу непременно не так, как у людей, а „до горы ногами“ по малороссийской поговорке. Ради Бога, не думайте, что великие просветители человечества жили для России даром и что нам следует всё начинать снова...»⁸⁵.

В начале зимы, 1 декабря 1862 года, К.Д.Ушинский прибыл в Женеву. На следующий день он встретился с ректором Академии Женевы⁸⁶ пастором Мюнье. Как писал Ушинский в дневнике, «Мюнье обратил моё внимание на ту особенность, что у них в школах нигде не читается Закон

---

⁸⁴ К.К.Сент-Илер (1834–1901) — педагог, один из друзей и почитателей К.Д.Ушинского — *Прим. изд.*

⁸⁵ Письма К.Д.Ушинского к Л.Н.Модзалевскому. — С. 167–168.

⁸⁶ Университет Женевы был основан Иоганном Кальвином в 1559 г. как теологическая и гуманистическая Академия Женевы. В XVIII веке были добавлены естественные науки, филология, лингвистика. Статус и название университета присвоен в 1873 г. с открытием медицинского факультета. Четыре раза (с 1832 по 1872 г.) ректором университета был пастор Давид-Франсуа Мюнье.

Божий для избежания неизбежных столкновений при различии населения в Женеве по вероисповеданию. (В секундарной школе учатся дети католиков, протестантов различных сект и евреев...) Я думаю, прибавил Мюнье, что мы на ложной дороге и что если просвещение наше подвинется вперёд, то и религиозные понятия в народе очень ослабеют. На моё замечание, что нельзя ли дело устроить так, чтобы читалась Библия и Евангелие без всяких сектантских оттенков, Мюнье ответил, что на это не согласятся католики и что он сам не одобряет такого бесхарактерного чтения. — Но разве христианская религия не имеет своего собственного характера?»⁸⁷.

Пастор Мюнье дал распоряжение, чтобы Ушинского пускали на лекции в Академии, и прислал ему устав Академии и расписание лекций. Посетив лекцию одного из профессоров, Ушинский написал: «При ответе старого урока девицы так говорили об азбесте, о степях и т.п., что мне сильно хотелось спросить, понимают ли они, что они говорят. — Не был в старших классах, суда произнести не могу, но полагаю, что если талантливейшие девицы, получившие хорошее первоначальное образование и направляемые умными родителями, и получают большую пользу от таких курсов, то большинство едва ли»⁸⁸. И ещё он записал: «Материализмом XIX в. сильно пахнет Академия»⁸⁹.

В Женеве К.Д.Ушинский посетил некоторые школы: женскую школу, народное училище, Карлсруйский сиротский дом. В женской школе он попал на урок французской литературы: «Вообще, преподавание плохо, учение идёт порядочно, но о развитии души и сердца никакой заботы. Нет, г. Мюнье, вы не правы, знание предмета ещё недостаточно для учителя педагогики и без её практиков заведения плохи»⁹⁰. Посетив народное училище, он отметил: «Преподавание очень недурное, но опять анализ и нет ему конца»⁹¹.

Первоначальные планы К.Д.Ушинского после прохождения лечения в Веве перебраться в Гейдельберг, где жили Модзалевский и Пирогов, не осуществились: «...много было обстоятельств, которые не позволили мне перебраться на зиму в Гейдельберг». Зиму 1862—1863 годов Ушинские провели в Веве.

5 января 1863 года Константин Дмитриевич писал из Веве священнику И. С. Белюстину: «Вообще же скажу Вам, что наше дурное не похоже на здешнее дурное и наше хорошее не похоже на здешнее хорошее.

---

⁸⁷ Ушинский К.Д. Педагогические заметки о Швейцарии (Сент. 1862). — С. 118—119.

⁸⁸ Там же. — С. 121.

⁸⁹ Там же. — С. 123.

⁹⁰ Там же. — С. 124.

⁹¹ Там же. — С. 124—125.

Главный недостаток наш тот, что наше образование убивает патриархальные наши достоинства, которые гниют быстро, но не ставит ничего на их место. Станным может показаться, если я скажу, но это справедливо, что здесь патриархальность сохранилась гораздо более, чем у нас. Здесь образование направлено к тому, чтобы научить уважать хорошее старое, а у нас к тому, чтобы расквитаться со старым и кинуться в неизвестную даль, без дна и покрышки. <...>

Что касается до нравственной стороны, то она во многих отношениях выше нашей, и христианство в различных формах, хотя, может быть, узкое, более проникло в жизнь и более принесло плодов, чем у нас. <...>

Тяжело и грустно! Мы ленивые, невежественные нищие, проматывающие свой последний грош. Мы дети, глупо изрезавшие себе и руки, и лицо ножом образования. Мы дикари, кинувшиеся на то в образовании, что тешит нашу чувственность или помогает нам разбить наши верования. Мы ищем прав, не имея понятия о том, что такое обязанность. Если дело всё будет идти так, то через сто лет или раньше в каждой нашей деревне будут десятки трактиров и бардаков, всегда полных, а церкви опустеют окончательно. Ужасно, но верно!..

Но что же такое блестит в этой грязи и тянет к ней душу и сердце? Это прекрасные народные типы, но, как жаль, сбиты они с пути! В них есть это задушевное, глубокое, таинственное, но это всё забросано таким количеством грязи и сору. Вижу всю гадость нашу, **но ни за что не хотел бы перестать быть русским: моей душе было бы и тесно, и душно, и гадко в коже француза или немца...**

Но, довольно! Просто ум мешается, когда взглянешь в нашу душу: какое-то величие в грязи, какая-то сила бессильная, какая-то глубина, в которую тянет невольно, какое-то благовоние, смешанное с нестерпимой вонью. Всё это такие предметы, о которых нельзя говорить в беглом письме, и если у меня достанет сил, то я приведу в ясность, что теперь мечется во мне, как неуловимый хаос»⁹².

На следующий день, 6 января 1863 года, Константин Дмитриевич писал из Веве Л. Н. Модзалевскому: «Много виноват перед Вами, что так бесконечно долго не отвечал на письмо Ваше. Но сначала я прохворал довольно долго, простудившись при возвращении из Женевы, а потом был занят оканчиванием известной вам книги, которую опять переделал с начала до конца и всё ещё не окончил. Спешу потому, что в начале марта думаю снова пуститься в объезд уже по Германии, а в мае придёт и в Петербург, откуда я, впрочем, опять думаю воротиться, но своими деньгами или

---

⁹² Письма К. Д. Ушинского к священнику И. С. Белюстину ... — С. 81–82.

с помощью казны, уж не знаю; знаю только, что семью мою оставлю здесь, а может быть, в Гейдельберге или Штутгарте. <...>

Есть ли в Гейдельберге женские учебные заведения, которые стоило бы посмотреть? И тепло ли было Вам там зиму? Теперь следует мне выбрать место для семьи на полгода, чтоб было дешёво и сердито. Кто советует Штутгарт, но другие пугают, что там на иностранцев нападают нервные горячки; кто советует Карлсруэ; иные Веймар»⁹³.

Как видно из частной переписки Ушинского, здоровье его за границей поправлялось медленно, он часто простужался из-за холода в помещениях. Так, он писал в феврале 1863 года Л. Н. Модзалевскому: «Вот и опять я только что встал с постели и могу отвечать Вам именно лишь двумя словами. Хотя я и собираюсь к Вам в Гейдельберг, но Бог знает, когда буду в силах <...> Ах! как бы мне выбраться отсюда живому! Этот климат меня окончательно расстроил»⁹⁴.

Командировка Ушинскому была дана на год, но в течение этого срока он не успел выполнить поставленную им задачу — написание большой научной работы по педагогике. 5 февраля 1863 года он направил в IV Отделение Императорской канцелярии краткий отчёт о своей деятельности за границей и рапорт, в котором сообщил о предстоящей поездке по Германии и Франции: «Представляя при сем краткий отчёт о деятельности моей за границей за истекшие месяцы, вместе с тем честь имею почтительнейше уведомить, что с наступлением весны я намерен отправиться снова для дальнейшего обзора женских учебных заведений Франции и Германии. <...> При сем честь имею присовокупить, что если до сих пор осмотрено мною менее заведений, чем можно было бы ожидать от девятимесячного моего пребывания за границей, то это произошло от сильного расстройства моего здоровья, на поправление которого я принуждён был употребить большую часть времени»⁹⁵. В письме Ушинского на имя Н. И. Шторха от 5 февраля 1863 года говорилось: «Из краткого отчёта, который я представляю, Вы изволите увидеть, как неудачна была моя заграничная поездка и как много времени потратил я на разные лечебные курсы, которые кроме того и не принесли мне всей ожидаемой пользы, так как медики говорят, что мне необходимо ещё провести одну зиму в тёплом климате, если я рассчитываю на прочное восстановление моего здоровья... В мае я надеюсь быть в Петербурге»⁹⁶.

---

⁹³ Письма К. Д. Ушинского к Л. Н. Модзалевскому. — С. 169–170.

⁹⁴ Там же. — С. 171.

⁹⁵ Переписка К. Д. Ушинского с администрацией IV Отделения ... — С. 332.

⁹⁶ Там же. — С. 332–333.

Рукописные «Педагогические заметки о Швейцарии (сент. 1862)» К. Д. Ушинского оканчиваются его впечатлениями о поездке в немецкое королевство Вюртемберг со столицей в Штутгарте и посещении нескольких образовательных заведений, в том числе женской школы и сиротского дома в Карлсруэ, учебных заведений в Корнтале, а также женской семинарии в Людвигсбурге. Год не указан, лишь однажды встречается дата — 10 мая. Вероятно, эти записи относятся к весне 1863 года, ведь о предстоящей поездке в Германию Константин Дмитриевич не раз сообщал в своей служебной и частной переписке. Однако о посещении Штутгарта и других немецких городов имеются записи и более позднего времени, например в августе 1863 года Ушинский писал об этом в письме Л. Н. Модзалевскому⁹⁷.

В любом случае, известно, что в Штутгарте К. Д. Ушинский посетил Екатерининский институт, устроенный наподобие Смольного института в Санкт-Петербурге. Вот мнение, которое сложилось у него об этом заведении: «**Штутгаделен Katharinenstift**. Воспитанников до 30, пансионеров 30. Был почти во всех классах и на всех уроках. Что это такое — не понимаю. Это наш русский институт с множеством недостатков!.. Чтение без смысла. Никаких объяснений. Рисунки — нет и в заводе, — мертво и сонно. <...> Проходил по классам целое утро, а не слышал, как ученицы говорят. Вот тебе и знаменитый Katharinenstift. Эку русскую сивуху занесла сюда Мария Павловна!»⁹⁸. В ходе своих поездок по Европе К. Д. Ушинский не раз встречал наряду с образцовыми воспитательными заведениями и те, которые продолжали «прозябать в самом жалком виде». «Просидевши утро в классах Katharinenstift, я почувствовал такую невыносимую тоску, что решил немедленно же после обеда сходить в Kornthal: там, вероятно, я найду, по крайней мере, что-нибудь оригинальное, ведь недаром они раскольники, да ещё немецкие. — От Штутгарта до Корнталья часа два, и я после сытнейшего обеда... выехал по дороге в Корнталь (10-го мая н.ст.)»⁹⁹. В городке Корнталь, основанном в 1819 году независимой христианской общиной, Ушинский осмотрел женский и мужской институты, сиротские заведения. Он писал: «Какие славные, радушные, ласковые дети! Ни тени того злого или шаловливого зубоскальства, которое составляет такой тон большей части наших учебных заведений. У нас дети как-то очень рано приучаются к скептическому отношению ко всему окружающему. Не вытекает ли этот тон из народного характера? Едва ли! Он скорее вышел из жизни и отчасти из невежества, которое после горьких опытов не верит в науку. Впрочем, наш крестьянин-пахарь — не зубоскал, а напротив, очень

⁹⁷ Письма К. Д. Ушинского к Л. Н. Модзалевскому. — С. 173.

⁹⁸ Ушинский К. Д. Педагогические заметки о Швейцарии (Сент. 1862). — С. 125–126.

⁹⁹ Там же. — С. 126.

серьёзен. Но такое зубоскальство в школах решительно дурно. Здесь и деревня, и учитель, и ученики — люди верующие»¹⁰⁰.

Во время своей заграничной командировки К.Д.Ушинский почти каждый год летом, когда в образовательных заведениях были каникулы, приезжал в Россию. 7 июня 1863 года, находясь уже в Санкт-Петербурге, он подал прошение на имя принца П.Г.Ольденбургского: «...воспользовавшись наступившим вакационным временем в учебных заведениях, я возвратился в Россию и прошу всепокорнейшее Ваше Императорское Высочество дозволить мне съездить в имение моё с тем, чтобы я мог получить новый паспорт на выезд за границу от Черниговского гражданского губернатора, так как срок прежнего моего паспорта уже истёк»¹⁰¹. Из пометок на прошении видно, что «К.Ушинский сроком до 24 апреля 1864 года, по устройству своих дел, должен отправиться за границу».

Через несколько дней, 11 июня 1863 года, Ушинский писал Л.Н.Модзалевскому: «Извините, что, захлопотавшись в Петербурге, я несколько замедлил Вам ответом. Я был у Головнина, говорил о делах... впрочем, никто здесь и сам ничего порядочно не знает»¹⁰². А.В.Головнин был министром народного просвещения в 1861—1866 годах. Константину Дмитриевичу удалось побывать и в Смольном институте. Об этом он сообщал Льву Николаевичу: «Был раз у m-те Сент-Илер¹⁰³, и дети меня встретили поистине трогательно, из этого возник длинный ряд неприятностей со стороны Леонтьевой. Прощайте, мой добрый Л.Н., мы с смолянками и вас помянулы и проч.»¹⁰⁴.

По возвращении из России К.Д.Ушинский с семьёй поселился в Гейдельберге. В августе он писал Модзалевскому, находившемуся в это время в Йене: «Завтра я пускаюсь в педагогическую поездку через Штутгарт, Аугсбург, Мюнхен, Лейпциг, Вейссенфельс, проеду и в Веймар; но сама сложная поездка не даёт мне возможности с точностью определить время, когда я буду в Веймаре; вижу только, что в первых числах сентября»¹⁰⁵. Вернувшись из поездки, 3 сентября Ушинский писал своему другу: «В эту поездку мне удалось проникнуть в католические женские училища и женские семинарии. Некоторые очень недурны, особенно в Аугсбурге, в монастыре Св. Урсулы. Здесь Frau priorin Aquinata и её ученицы монахини меня просто очаровали. Понятия отличного педагога с самым свободным обра-

---

¹⁰⁰ Там же. — С. 135.

¹⁰¹ Переписка К.Д.Ушинского с администрацией IV Отделения ... — С. 335.

¹⁰² Письма К.Д.Ушинского к Л.Н.Модзалевскому. — С. 171.

¹⁰³ Инспектриса Александровской половины Смольного института.

¹⁰⁴ Письма К.Д.Ушинского к Л.Н.Модзалевскому. — С. 172.

¹⁰⁵ Там же. — С. 173.

зом мыслей и действий — и католическая монахиня в своём белом странном костюме, говорящая с посетителями не иначе, как через решётку, — долго не могли уместиться у меня в голове...»¹⁰⁶.

О своей жизни в Гейдельберге К.Д.Ушинский сообщал в письме Л.Н.Модзалевскому 11 ноября 1863 года: «Если вы имеете какие-нибудь новости из России о наших общих знакомых, то поделитесь со мною. Страшно становится, как подумаешь, что через год или два и остальные тоненькие связи мои с Русью порвутся, и я останусь где-нибудь в Ницце или Женеве, как островок, затерянный среди океана. Грустно что-то, а может быть, оттого, что погода прескверная, дождь, ветер, даже гор не видать, и только машина свистит в урочные часы... Я вот собирался в Штутгарт, да никак не соберусь. <...>

У Пирогова бываю по субботам; заглядываю и в читальню, но больше сижу дома, пишу немного, уже окончательно переписывая свою книжонку, после которой сделаю окончательный прощальный поклон детской литературе, а более — читаю, погружаясь в неисчерпаемые глубины немецкой философии, а книги то и дело подваливают мне не один, а целых три гейдельбергских книгопродавца; даже я выбрал последний раз носильщика, но, конечно, по-русски, на что он мне улыбнулся любезнейшим образом»¹⁰⁷.

«Получил много детских книг из России — дрянь невообразимая. Книжка же Перевлесского¹⁰⁸ — просто невообразимое безобразие.

Р.С. Переделываю слегка русские сказки и немецкие рассказы на лад русских сказок. Действительно, иные русские сказки — просто прелесть! Поэзии и здорового юмора — бездна! Я только теперь разнюхал, что это за сокровище для детской литературы. Меня обратили к ним мои же дети — вопросами и замечаниями. Они показали мне, что и переделать нужно»¹⁰⁹.

9 декабря 1863 года К.Д.Ушинский сообщал Л.Н.Модзалевскому о своих планах посетить Италию: «Я опять, по обычаю, было прихворнул. Собираюсь в Италию и в конце месяца выеду...»¹¹⁰. Однако эта поездка не состоялась. 27 января 1864 года Константин Дмитриевич писал Я.П.Пу-

---

¹⁰⁶ Письма К.Д.Ушинского к Л.Н.Модзалевскому. — С. 174.

¹⁰⁷ Там же. — С. 174–175.

¹⁰⁸ «В это время известный составитель грамматик Перевлесский издал „Предметные уроки“ по тогдашнему новому и, так сказать, „модному“ методу, которому К.Д.Ушинский никогда не сочувствовал, как пустой болтовне. Признавая значение наглядности, он требовал также точности и ясности в мышлении и выражении; „Предметные уроки“ же вели к поверхностному всезнайству (*Примечание Л.Н.Модзалевского*)» (Там же. — С. 176–177).

¹⁰⁹ Письма К.Д.Ушинского к Л.Н.Модзалевскому. — С. 177.

¹¹⁰ Там же. — С. 178.

гачевскому: «Поездка моя в Италию не состоялась, потому что по причине поздней высылки денег я дождался морозов и должен был сидеть дома; а теперь уже и здесь хорошо и теплота бывает майская; воздух такой мягкий, что дышишь не надыхишься, особенно когда просидишь, как я, более месяца взаперти. Однако же я на днях уезжаю в Южную Францию, чтобы воспользоваться ранней весной и осмотреть несколько заведений французских, которых я видел немного»¹¹¹.

Сведения о поездке К.Д.Ушинского в южную Францию можно почерпнуть из его письма от 30 апреля 1864 года Л.Н.Модзалевскому: «Я очень доволен своею страсбургскою поездкой, потому что успел осмотреть там две нормальных школы, мужскую и женскую, приют, первоначальную школу для девочек и один частный пансион; кроме того, приобрёл несколько сочинений и инструкций, знакомящих меня с французским женским образованием. Если присоединить к тому то, что я видел в Париже, то выходит, что незачем было бы и ехать во Францию, ибо там женское образование ещё в бóльшем забросе, чем мужское. Кроме весьма плохих первоначальных школ и женских нормальных школ, правительство не сделало там ровно ничего для женского образования, а оно всё находится там или в руках монастырей, или у частных спекулянтов. Очень замечательны наставления учителям и прежние педагогические учебники для семинарий, изданные разными членами учебной администрации и предписанные к руководству. Можно только удивляться, как хорошо защитили себя французы от всякого влияния педагогического духа Германии, и особенной даровитости французов сравнительно с немцами.

Сегодня мы хотели ехать в Штутгарт к обедне (завтрашней), но утро такое пасмурное и холодное, что не знаю ещё, как это устроится. Дня через два или три, если только не захвораю, пускаюсь на север и думаю пробраться в Бельгию, откуда рассчитываю ещё раз воротиться в Гейдельберг и потом уже пуститься к Вам в Йену...»¹¹². В следующем письме Модзалевскому Ушинский писал: «Я только что хотел выехать в Бельгию, как простудил горло и должен был дня три обождать — беда просто с таким кислым здоровьем! <...> Теперь занимаюсь французской педагогикой. Я приобрёл несколько новых по ней сочинений и нашёл много замечательного, но и невежества ещё больше...»¹¹³. И всё-таки педагогическая поездка в Бельгию состоялась. Об этом Константин Дмитриевич писал месяц спустя, 31 мая 1864 года: «Это правда, что я не рассчитывал так долго оставаться

---

¹¹¹ Письма К.Д.Ушинского и Н.С.Ушинской к Я.П.Пугачевскому // *Ушинский К.Д.* Собрание сочинений. — Т. 11. — С. 220.

¹¹² Письма К.Д.Ушинского к Л.Н.Модзалевскому. — С. 181.

¹¹³ Там же. — С. 181–182.

за границей, но здоровье и в особенности погода (в Берлине на днях шёл снег, а в Париже ни одного листа на берёзе) задержали меня против воли. Я хотел воспользоваться этим временем и съездил в Бельгию, из которой воротился в воскресенье; вчера съездил в Мангейм, где нашёл очень хорошую женскую школу»¹¹⁴.

Наступившее лето 1864 года Ушинские провели в России. Константин Дмитриевич, в частности, встречался с министром Головинным. Об этом он сообщал в письме Л. Н. Модзалевскому от 25 июня 1864 года: «Он опять предлагает мне издание частного педагогического журнала с помощью от Министерства, я... сказал, что подумаю, но не обещал, так как здоровье моё крайне расстроено»¹¹⁵. В этом же письме Ушинский просил своего друга: «Не можете ли через кого-нибудь достать мне программу женской семинарии, той, что возле Цейкса: она мне очень нужна»¹¹⁶.

Константин Дмитриевич готовил отчёт по возложенному на него поручению обозреть заграничные женские учебные заведения. За время командировки им была проделана огромная работа. Посещая различные учебные заведения Швейцарии, Германии, Франции, Бельгии, знакомясь с их устройством, методами и приёмами преподавания, образовательными программами и методическими трудами, практической работой педагогов, применявшимися учебными пособиями, а также отчётами инспекторов и положениями местного школьного законодательства, К. Д. Ушинский изучал, каким образом были реализованы на практике «великие педагогические идеи» Песталоцци и Фелленберга, подмечал достоинства и недостатки устройства народного образования за границей с тем, чтобы применить лучшее в России. При этом принципиальными для него оставались вопросы воспитания, влияния обучающих методик на душу ребёнка, его нравственность. Ушинский считал, что «каковы бы ни были политические и сектантские верования педагога как гражданина своего времени и члена своей партии, но он не вносит их в свою школу, действуя насильственно на незрелый детский разум; ...одни **вечные истины природы, разума, истории и христианства, стоящего выше всяких сект, имеют право войти в народную школу и сделаться основаниями человеческого развития в детях**: в этом и состоит та святость детства, в которую должен верить человек, приступающий к великому делу воспитания»¹¹⁷.

10 сентября 1864 года К. Д. Ушинский представил обзор главному управляющему IV Отделением Императорской канцелярии принцу

---

¹¹⁴ Письма К. Д. Ушинского к Л. Н. Модзалевскому. — С. 183.

¹¹⁵ Там же. — С. 184.

¹¹⁶ Там же.

¹¹⁷ *Ушинский К. Д.* Педагогическая поездка по Швейцарии. — С. 104.

П. Г. Ольденбургскому. В нём, в частности, говорилось: «Обозрение это не вполне удовлетворяло той программе, которую, отъезжая за границу, я надеялся выполнить. Учебных заведений Англии, Шотландии и Австрии я совершенно не видел, а в Северной Германии видел только прусские. С особенной подробностью осмотрел я швейцарские, южно- и среднегерманские заведения; во Франции осмотрел я немногое; в Бельгии оставался несколько доле. Причиною такого недостаточного обзора было моё крайне расстроенное здоровье. По настояниям докторов я должен был обе зимы оставаться на месте; последняя же зима, очень суровая и продолжительная, задержала меня неожиданно долго, так что на обзор учебных заведений от каждого года мне оставалось только лето и то за вычетом вакационного времени. Впрочем, я видел по нескольку заведений каждого рода в каждой стране и замечательнейшие изучал в подробности. Зимой же, по необходимости оставаясь на месте, я воспользовался тем, что видел в лучших заграничных школах и составил наставление для учащихся, как преподавать детям отечественный язык, и соответствующую наставлению книгу для учащихся, которые я буду иметь честь представить, как только они выйдут из печати.

Что касается до состояния моего здоровья, то заграничные доктора, а равно и известный русский врач г. Пирогов, положительно запретили мне проводить зиму в С.-Петербурге под опасением быстрого развития тяготящей меня болезни, а потому, несмотря на всё моё желание приносить посильную пользу на службе и доказать на деле всю мою признательность за высочайшее ко мне внимание, я, к великому для меня огорчению, нахожу себя вынужденным просить Ваше Императорское Высочество об увольнении меня от службы с 4 ноября сего года, так как к этому сроку исполнится десятилетие моей служебной деятельности по учреждениям императрицы Марии, и об исходатайствовании мне причитающегося пенсионера. Всего же на государственной службе состою я 19-й год...»¹¹⁸.

Резолюция принца П. Г. Ольденбургского, положенная на рапорте К. Д. Ушинского, гласила: «Признавая деятельность и педагогические познания г. Ушинского весьма полезными для высочайше вверенного мне ведомства, я решаю сохранить его для сего последнего. А потому ходатайствую перед Государыней Императрицей о дозволении Ушинскому пробыть два года на прежнем основании с тем, чтобы в это время он написал и представил мне полный курс педагогики для наших заведений, так как в подобном руководстве с специальными применениями оно к особенностям женского воспитания уже давно чувствуется, с одной стороны, недостаток, а с другой — необходимая потребность»¹¹⁹. 31 ноября 1866

---

¹¹⁸Переписка К. Д. Ушинского с администрацией IV Отделения ... — С. 337–338.

¹¹⁹Там же. — С. 338.

года срок заграничной командировки К.Д.Ушинского был продолжен ещё на год — по 1 мая 1867 года¹²⁰. Это позволило ему с 1864 года отдаться исключительно работе над «Педагогической антропологией», первый том которой, как известно, был издан в 1867 году, второй — в 1869-м.

3 октября 1864 года К.Д.Ушинский поделился своими наблюдениями о высшем женском образовании за границей с коллегами на заседании Санкт-Петербургского педагогического собрания. В Протоколе заседания говорилось: «Подражания и заимствования заслуживают только очень немногие женские училища, например, школы в Берне Фрёлиха, Елизаветинское училище в Берлине, — составляющие отрядные исключения. Вообще же состояние женского воспитания и училищ за границей, по замечаниям г. Ушинского, весьма неудовлетворительно»¹²¹. На основе доклада К.Д.Ушинский опубликовал в газете «Голос» (1865 г., № 63) заметку о недостатках женского воспитания в Германии под названием «Одна из тёмных сторон германского воспитания».

Константин Дмитриевич очень тяготился жизнью на чужбине. Кроме того, считая исключительно вредным заграничное воспитание, он хотел, чтобы его подрастающие дети учились в России, в кругу русских сверстников. Относительно своих планов на будущее 30 марта 1866 года в письме к Л.Н.Модзалевскому из Веве Ушинский сообщал: «Вы спрашиваете, когда я буду в Петербурге? Вероятно, в начале будущей весны, но и то очень ненадолго, так как служить я более не намерен, да и мой характер, всегда шероховатый, так одичал здесь, что, без сомнения, не придётся по петербургской жизни. Где же устроюсь — ещё и сам не знаю. Может быть — в Москве, если не в Киеве»¹²². В последний год своей педагогической командировки К.Д.Ушинский посетил Италию: «Совестно же быть так долго вблизи Италии и не видеть её»¹²³. 21 мая 1866 года он писал Л.Н.Модзалевскому: «Я только что воротился из Италии и в восторге от этой прекрасной страны; браню себя сильно, что прожил в Германии»¹²⁴.

По окончании заграничной поездки в 1867 году К.Д.Ушинский представил в IV Отделение Императорской канцелярии итоговый «Отчёт о командировке за границу», который в 1908 году вошёл в состав допол-

---

¹²⁰Формулярные списки о службе К.Д.Ушинского // *Ушинский К.Д.* Собрание сочинений. — Т. 11. — С. 370.

¹²¹Об участии К.Д.Ушинского в заседаниях Санкт-Петербургского педагогического собрания // Там же. — С. 350.

¹²²Письма К.Д.Ушинского к Л.Н.Модзалевскому. — С. 188.

¹²³Там же.

¹²⁴Там же. — С. 189.

нительного тома «Собрания педагогических сочинений Ушинского», а в 1948 году — в состав 3-го тома Собрания сочинений К. Д. Ушинского.

Последние годы жизни

Почувствовав некоторое восстановление сил, в 1867 году К. Д. Ушинский вернулся вместе с семьёй на Родину.

«Мы пока поселились в Петербурге, хотя в будущем году думаю переехать к себе на родину — в Киев. Официальной деятельности я никакой не принимаю, убедившись, что покуда это только толчение воды. Думаю ограничиться одною писательскою деятельностью, и в этом году, кроме „Антропологии“, думаю издать третью часть „Родного слова“, в которой будет начальная русская грамматика, а затем примусь за такую же географию. Несмотря на гонение Министерства и некрасовцев, учебная публика меня полюбила и поставила в положение совершенно независимое. Здоровье моё несколько поправилось, так что я могу удовлетворять своей привычке к труду. Семья моя здорова, дети учатся хорошо и все добряки — чего же мне более?» — пишет Ушинский Л. Н. Модзалевскому в сентябре 1868 года из Павловска¹²⁵.

Оказавшись в Петербурге, он начал посещать Петербургское педагогическое общество, где читались, обсуждались статьи, рефераты педагогов, и вскоре стал его «душой» — настолько быстро «вялая», безличная прежде деятельность общества с его приходом оживилась. Столичное педагогическое общество стало прообразом общерусской педагогической школы. Влияние его распространялось на всю Россию, вдохновляло провинциальных работников и увлекало высокой идейной стороной этой непростой и трудной профессии. К этому времени относится самая обширная переписка К. Д. Ушинского с земствами и с отдельными русскими педагогическими деятелями, работающими в провинции, главным образом, по начальному образованию.

В последние два года жизни у К. Д. Ушинского завязалась интенсивная переписка с бароном Николаем Александровичем Корфом (1834—1883) — педагогом, известным земским деятелем, занимавшимся устройством народных школ в Александровском уезде Екатеринославской губернии. Ежегодные отчёты Н. А. Корфа становились образцом для всей России ведения учебного дела в земских школах. Этими отчётами весьма интересовался и Константин Дмитриевич. Вдохновившись идеями Ушинского, Корф успешно вводил в своих школах «Родное слово». Он первым написал Ушинскому 27 октября 1868 года: «„Родное слово“,

---

¹²⁵ Там же. — С. 192.

„Детский мир“ — такие книги, которыми могла бы гордиться не только русская литература, столь бедная на детские книги, развивающие детей и в то же время обучающие их языку. Из прилагаемых при сем отчётов моих за 1867 и 1868 годы Вы убедитесь в том, во-первых, что по инициативе моей Ваши учебники введены в начальных народных училищах Александровского уезда Екатеринославской губ. и, во-вторых, в том, что мы стараемся по мере сил извлечь наибольшую пользу из чтения их детьми. <...>

Могу удостоверить Вас в том, что обучение по Вашему руководству проходило в 89 русских школах уезда за 1867—1868 учебный год и дало блестящие результаты при той системе обучения по „Родному слову“, которая создана мною. Понятно, что я, действуя на неизведанном поприще народной школы в селе, старался прежде всего угадать Вашу мысль, т.е. мысль автора книги. Убедительнейше прошу Вас, прочитав отчёты мои за 1867 и 1868 год, сравнив школу до применения к ней „Родного слова“ со школой после применения к ней этой неоценённой книги, поспешить сообщить мне своё мнение о том, как мы действовали. Вы очень обязали бы меня и послужили бы делу, если бы Вам угодно было коснуться в „СПб. ведомостях“ успехов применения звуковой методы и „Родного слова“ Александровским училищным советом. Всякая деятельность, даже и наши скромные попытки, возбуждают зависть, насмешки. Ваше перо могло бы многим зажать рот и поддержать зарождающееся дело. Я так смело обращаюсь к Вам с этой просьбой потому, что никак не могу себе представить того, чтобы автор „Родного слова“ мог относиться апатично к делу народного образования или к людям, которые решились, среди всеобщей летаргии, выступить на это тернистое в наше время поприще»¹²⁶.

К.Д.Ушинский с радостью откликнулся на письмо Н.А.Корфа. Первое из шести писем было написано им 15 января 1869 года в Санкт-Петербурге. В нём он, в частности, писал: «Вы на самом себе знаете, без сомнения, как приятно в настоящее тяжёлое время, когда граф Толстой давит народное образование тяжестью двух министерств, получить выражение сочувствия к тому делу, которому человек посвятил всю свою жизнь. Зная же это, Вы, конечно, не можете сомневаться, чтобы я не выполнил выраженного Вами желания, тем более что я давно, с истинным наслаждением слежу за Вашею деятельностью и, не будучи в силах сам, по совершенному расстройству моего здоровья, принять участие в практике этого дела, находил много успокоения в том, что оно ещё имеет таких деятелей, как Вы.

---

¹²⁶Переписка К.Д.Ушинского с Н.А.Корфом // *Ушинский К.Д.* Собрание сочинений. — Т. 11. — С. 200—201.

В настоящее время я оканчиваю второй том моей „Антропологии“, труд, как я и сам знаю, в высшей степени несовершенный, но который, как я убеждён, принесёт со временем немалую пользу. Дело это поглощает теперь меня всего, и я спешу его окончить, чтобы уехать из Петербурга поскорее, что для меня необходимо. Вот почему я не могу немедленно же выполнить Вашего желания, но обещаю выполнить его немедленно же, как только будет у меня свободное время и если силы мои хотя немного восстановятся...

Вы, должно быть, ещё молодой человек: дай же Бог Вам долго и успешно бороться на том поприще, с которого я уже готовлюсь сойти, измятый и ископанный! Дай Бог Вам принести гораздо более пользы, не только более того, чем я принёс, но даже более, чем я мог бы принести под другим небом, при других людях и при другой обстановке!

Извините, что я не сам пишу к Вам: к болезни груди у меня ещё присодинилась болезнь глаз»¹²⁷.

К. Д. Ушинскому очень хотелось встретиться со своим единомышленником. 28 мая 1869 года он писал Корфу: «Я поеду в Крым пить кумыс и, следовательно, туда и обратно должен проезжать недалеко от того места, где Вы живёте. Очень было бы приятно, если бы устроить дело так, чтобы я на обратном пути мог повидаться с Вами... Я увожу с собою как Ваши отчёты, так и несколько других, чтобы на досуге подумать о них хорошенько. Я полагаю, что земская школа должна, наконец, положить прочное основание народному образованию в России и что теперь именно настало время организовать разрозненные попытки в этом отношении всех честных людей»¹²⁸. И в конце письма сообщал: «Посылаю Вам две первые части моей „Антропологии“. Когда выйдет третья — ещё и сам не знаю. Теперь же я намерен окончить и приготовить к печати русскую грамматику или, лучше сказать, первоначальный курс, который мог бы дать ученику возможность не затрудняться в употреблении письменного языка»¹²⁹.

К сожалению, из-за болезни К. Д. Ушинского их личное знакомство так и не состоялось. 23 февраля 1870 года Константин Дмитриевич написал Корфу: «В прошлом году я ехал к Вам, да не доехал: добрался с моими двумя мальчуганами до Киева, но там расхворался и ещё пуще расхандрился и был радёхонек добраться до своего хутора в Глуховском уезде, Черниговской губернии, где и прожил всё лето»¹³⁰. Что касается применения его «Родного слова», о котором Ушинский читал в отчётах Корфа, то,

---

¹²⁷ Там же. — С. 203–204.

¹²⁸ Там же. — С. 205–206.

¹²⁹ Там же. — С. 206.

¹³⁰ Там же. — С. 208–209.

по его словам, «применений сделано гораздо больше, чем я сам мог рассчитывать, особенно о. дьякон применил книгу неожиданно для меня само-го. Лучшим ответом с моей стороны на все эти применения будет то, что я, имея их в виду, переделаю несколько и увеличу обе первые части „Родного слова“, назначив это издание уже чисто для сельских школ. В то время, когда я составлял „Родное слово“ (от 1862–1865 гг.), земские школы ещё не существовали, и потому назначил мою книгу для школ городских, для детей мещанства, чиновничества и мелкого дворянства, что и отразилось сильно на моей книге, особенно на 2-й ч. Теперь же я прямо буду иметь в виду земскую, т.е. сельскую школу, и притом с 3-х летним окончательным курсом. Переделки эти я начну теперь же, но, конечно, издам книгу не раньше конца нынешнего или начала будущего года. Я работаю вообще очень медленно: переправляю и переделываю бесчисленное число раз; да кроме того, болезни мои меня сильно одолевают. В эту зиму я почти не выходил из дому и решил окончательно расстаться с Петербургом, а где поселюсь — и сам ещё не знаю. Теперь думаю ехать и отыскивать местечко, где бы мог окончить своё существование, посвятив последнее время всё тем же педагогическим трудам»¹³¹.

В этом же письме Ушинский сообщал о своих планах ехать за границу, а на обратном пути надеялся разыскать Корфа, чтобы и с ним познакомиться, «и хоть раз в жизни порадоваться на русскую школу»¹³². Врачи советовали Константину Дмитриевичу поселиться в Симферополе, и ему хотелось бы «взглянуть, что такое Симферополь».

В письме Корфу К.Д.Ушинский сообщал также о своей статье — «Общий взгляд на возникновение наших народных школ», опубликованной в педагогическом журнале «Народная школа» (1870 г., № 5): «Статью для „Народной школы“ я написал, но плохую. Болезнь держит меня до того далеко от всякой общественной жизни и деятельности, что я решительно не могу написать теперь ничего живого из области практики»¹³³. Эта статья стала последней в жизни великого педагога. С её выходом возникли большие трудности из-за правительственной цензуры. Издатель журнала Ф.Ф.Медников писал в июне 1870 года Н.А.Корфу: «Знаете ли, что чуть-чуть не прекратил своего издания из-за статьи уважаемого нами К.Д.Ушинского? Чиновник Министерства народного просвещения Т.А.Маевский, в качестве цензора, следящего за моим журналом, вздумал найти её революционной и пожелал запретить её к печати или, по меньшей мере, исказить по собственному соизволению. Тогда я объявил,

---

¹³¹Переписка К.Д.Ушинского с Н.А.Корфом. — С. 208.

¹³²Там же.

¹³³Там же. — С. 209.

что прекращаю издание, а о самой причине прекращения печатаю во всех газетах. И только эта энергичная угроза могла спасти и статью, и мой журнал»¹³⁴.

Возможно, этой статьёй Ушинский намеревался начать цикл работ, посвящённых земской школе. Как видно из его слов, адресованных Корфу, он предполагал посвятить этому вопросу свои силы: «С большим нетерпением жду Вашей объявленной книги и жду от неё наставления мне самому, ибо прежде чем написать общий учебник для земских школ, я хотел бы побеседовать с человеком, таким практическим, как Вы, да и в самую школу заглянуть мне было бы необходимо. Если здоровье моё потянет, то, как разделаюсь с 3-м томом „Антропологии“, займусь исключительно народным образованием»¹³⁵. И в самом конце письма — о выходе в свет книги «Родное слово. Год третий. Отдел первый — Первоначальная практическая грамматика с хрестоматией»: «При сем идёт к Вам посылочка с двумя экз. грамматики. Она только что вышла, дня четыре, а уже половина издания распродана (2500 экз.). Этого я не ожидал»¹³⁶. В том же 1870 году вышло и второе издание книги.

Следующее письмо Корфу было написано Ушинским 28 мая 1870 года из Крыма: «Гонясь долго за мною, письмо Ваше от 25-го марта нашло, наконец, меня в 20-ти верстах от Симферополя, в имени иностранца Варле, где я, наконец, пью кумыс после долгих и неудачных странствований. Я поехал было встречать весну в Италию, но пролежал в Вене большой, пропустил время и по докторскому совету отправился пить кумыс и пробрался в Крым — по Дунаю и через Одессу. <...> Около 20-х чисел июня я надеюсь выехать из Одессы и пробраться через Киев к себе в деревню. <...> С Петербургом я решился окончательно расстаться и серьёзно ищу здесь местности, где бы поселиться, потому что таскания за границу также надоели мне и слишком меня утомляют. Лучше прожить зиму хоть и не в слишком тёплом климате, но у себя дома. Может быть, я куплю именице здесь в Крыму, а может быть, где-нибудь в Новороссии, если найдётся подходящее и недалеко от железной дороги, и, конечно, если успею купить и устроиться, потому что болезнь сильно меня одолевает.

Написать книгу для народной школы составляет уже давно мою любимую мечту, но, кажется, ей и суждено остаться мечтою. Прежде мне необходимо кончить „Антропологию“, и потом только я хоть сколько-нибудь применю „Родное слово“ к потребностям сельской школы. Кроме того, у меня на душе ещё первоначальная география, как окончание „Родного слова“.

---

¹³⁴Цит. по: Примечания // *Ушинский К.Д.* Собрание сочинений. — Т. 11. — С. 680.

¹³⁵Переписка К.Д.Ушинского с Н.А.Корфом. — С. 209.

¹³⁶Там же. — С. 210.

Вот сколько дела, а где силы? И всего досаднее, что в голове всё это давно готово, так что 3–4 месяца прежнего здоровья — и я бы, кажется, всё кончил»¹³⁷.

16 июня 1870 года Константин Дмитриевич писал Н.А.Корфу из Симферополя: «Лечение моё пошло неудачно: в деревне я заболел лихорадкой и должен был переехать в город, где оканчиваю своё кумысное питьё. В Симферополе я попал, конечно, в педагогический мир: в школу, на экзамен и учительский съезд. Какое бы живое участие принял я во всём этом, если бы хоть сколько-нибудь поправился, но кажется, мне не суждено больше поправляться»¹³⁸.

В Симферополе К.Д.Ушинский встретил своего последователя — земского учителя Илью Петровича Деркачёва (1834–1916). При казённой мужской гимназии И.П.Деркачёв организовал подготовительный класс, в котором проводил занятия с применением способа наглядного обучения, опираясь на традиции Песталоцци, Фребеля, Дистервега, Ушинского. Уделяя огромное внимание проблемам организации начальной народной школы, он стал одним из организаторов педагогических съездов в Таврической губернии. Первый съезд народных учителей в Симферополе состоялся летом 1869 года. Он прошёл в Симферопольской казённой мужской гимназии, и одним из основных его вопросов стало внедрение наглядного способа обучения в начальных школах. И.П.Деркачёв представил участникам съезда способ наглядного преподавания родному языку по «Родному слову» К.Д.Ушинского, совместно с учителями он разобрал «Родное слово» и «Руководство для учащихся», чтобы «правильно осмыслить взгляды великого русского педагога на роль и значение наглядности». Кстати, на съезде выяснилось, что большинство учителей не было знакомо с этими книгами¹³⁹.

В июне 1870 года состоялся Второй съезд народных учителей Таврической губернии, который также проходил в здании гимназии и под руководством И.П.Деркачёва. В работе съезда принял участие К.Д.Ушинский. Илья Петрович вспоминал: «Это знакомство я отношу к самым отрадным минутам моей жизни. Руководя съездом народных учителей, я терялся, осуждал себя и свои занятия — я был один, и не у кого было спросить совета и разумных указаний. Наконец, я отказался от руководства. С приездом Ушинского я снова взялся за дело, я знал,

---

¹³⁷Переписка К.Д.Ушинского с Н.А.Корфом. — С. 210–211.

¹³⁸Там же. — С. 212.

¹³⁹Мироненко В.В. Роль И.П.Деркачёва в организации первых съездов народных учителей в г. Симферополе в конце XIX века // «Вестник СевГТУ». — 2011. — Вып. 124. — С. 207.

что встречу в нём не суд и осуждение, а снисхождение и полезные уроки. И я не ошибся: все свободные часы он охотно посвящал на беседы со мной»¹⁴⁰.

Будучи одним из основателей способа наглядного обучения, К.Д.Ушинский заинтересовался работой класса, присутствовал на уроках, которые проводил И. П.Деркачёв. Последний вспоминал: «Дружественный тон, которым автор „Родного слова“ говорил с учителями, мягкость обращения и простота быстро привлекали к нему всех. Он смотрел на каждого учителя как на равного себе товарища и скромно, терпеливо, с непритворным уважением слушал всякое замечание и возражение... Проэкзаменовал всех учениц, поступивших в первый класс. Учительницу поразило, с каким искусством великий педагог опрашивал детей. Он ставил вопросы просто, ясно и в то же время так, что по ответам можно было легко понять, насколько подготовлена и развита та или иная ученица».

Одним из вопросов, который обсуждался на педагогическом съезде, был вопрос о книгах для классного чтения в начальных школах губернии. Ушинский призвал участников съезда включиться в работу по составлению и публикации этих необходимых для школы изданий.

Расставаясь с участниками симферопольского съезда учителей, великий педагог пророчески сказал: «Скоро настанет время, когда весь русский народ осознает необходимость грамоты. Тогда будет издан закон об обязательном обучении для каждого русского человека. Предлагаю провозгласить здравицу за скорейшее осуществление мечты всей моей жизни — **за обязательное обучение в России!**»

В упомянутом уже письме от 16 июня 1870 года Ушинский извещал Корфа: «23-го июня я намерен выехать из Симферополя, а 29-го из Крыма, и через Одессу и Киев воротиться к себе в деревню»¹⁴¹. Уезжая, он подарил И. П.Деркачёву свои сочинения с надписью: «В знак глубокого моего уважения к Вашим трудам по съезду народных учителей»¹⁴².

Последнее письмо Н. А. Корфу Ушинский написал 27 сентября 1870 года в Киеве, уже после трагической гибели сына: «Возвратившись из Крыма в деревню к себе, в самый день моего приезда, я едва не застал похорон моего старшего сына, юноши 18-ти лет, который за три дня до того, будучи на охоте, ранил себя смертельно. <...> Теперь рану несколько зятя-

---

¹⁴⁰Деркачёв И.П. Константин Дмитриевич Ушинский в Симферополе в 1870 г. (по личным воспоминаниям) // «Русская школа». — № 8. — С. 24. Цит. по: МIRONENKO В.В. Роль И.П.Деркачёва в организации первых съездов народных учителей ... — С. 208.

¹⁴¹Переписка К.Д.Ушинского с Н.А.Корфом. — С. 212.

¹⁴²МIRONENKO В.В. Роль И.П.Деркачёва в организации первых съездов народных учителей ... — С. 208.

нуло, и я могу уже кое-как, насколько позволяет мне моё окончательно разбитое здоровье, заняться своими обычными делами.

Мы, наконец, совсем покинули Петербург и переселились в Киев, где куда-то устроились кое-как и очень плохо, но ищем купить дом, где уже и пристанет семья моя. Что же касается собственно до меня, то я в будущем же месяце уеду на зимовку в Крым, кажется, в Севастополь. Само собою понятно, что все работы мои остановились, и если бы только мне удалось в эту зиму хоть как-нибудь надиктовать третий том моей „Антропологии“, который в материалах уже готов!»¹⁴³.

На содержание последнего письма к Корфу наложила отпечаток и начавшаяся в августе 1870 года франко-прусская война. Ушинский писал: «Боже мой, неужели пришлось мне, на склоне моей жизни, усумниться в прогрессе!! Какой же тут прогресс, когда в настоящую минуту образованнейшие нации мира грызутся, как дикие волки?! Неужели образование так тяжело для человека, что он рад-радехонек, когда ему удастся вырваться из его стеснительных условий и, под благовидным предлогом патриотизма и великих стремлений, разнуздать все свои дикие, животные страсти? Неужели школы нужны были только для того, чтобы раздуть коллективное самолюбие племени и дать фразы для прикрытия самых чёрных дел? Всё это способно подорвать веру в образование и школу. <...>

И разве не видать, что Пруссия, эта многоучёная и нравственная Пруссия, только ещё раскрывает ворота в ужасное будущее для всей Европы, никак не исключая и нас? Если можно что предвидеть в человеческой истории, то я считаю войну России с Германией совершенно неизбежной, и если война французов с немцами показала так много зверства, то какова же будет немцев со славянами? <...>

Боже, какая страшная перспектива! Война без конца, разорение, оскотение, солдатство... — вот тебе и мирный прогресс. Конечно, обнажающий меч мечом и погибнет. И если Бисмарк говорит, что всякое великое дело совершается кровью, то он врёт — из крови будет только новая кровь, и одно дело проливать свою только кровь, как Христос, а другое — проливать чужую. Что вышло из той крови, которую пролили оба Наполеона? Новая кровь — и более ничего: ни свободы, ни мира, ни человечности. Где же они? В толпе диких тевтонов было более человечности, но, конечно, гораздо менее рабства. <...> О! придёт время, когда сами немцы сочтут Бисмарка злейшим врагом Германии, Пруссии, человечества. Но пока придёт такое время, страданий придётся выжить человечеству целый океан.

---

¹⁴³Переписка К.Д.Ушинского с Н.А.Корфом. — С. 213.

И на нас, педагогах, не может не отразиться это время! Чему мы должны учить теперь детей? — Раздувать их народные страсти и народное самолюбие, вливать в них ненависть к чужеземцам, приучать стрелять и резать. Вот какие школы мы должны теперь устраивать — и это неизбежно, необходимо. Вот куда повернули людей Наполеоны, Бисмарки, Фрицы и Вильгельмы — да поразит их кара небесная! Я думаю, что мы должны необходимо сделать наши школы воинственными, как ни противно это духу истинной христианской школы, но без независимости нет развития, и её-то прежде всего следует обеспечить»¹⁴⁴.

Последние письма К. Д. Ушинского были адресованы близкому другу Я. П. Пугачевскому. Яков Павлович преподавал естествознание в Гатчинском институте, где сдружился с Ушинским, а когда того назначили в Смольный институт, он уговорил Пугачевского принять предложение преподавать в этом учебном заведении. «В последний год жизни Ушинского Пугачевский оказался единственным лицом, с которым мог откровенно говорить умирающий педагог и поведать ему свои огорчения, а непосредственно после смерти Ушинского тот же Пугачевский оказался единственным лицом, с которым могла советоваться как по денежным делам, так и по организационно-издательским делам осиротевшая семья Ушинского»¹⁴⁵.

1 октября 1870 года Константин Дмитриевич писал Я. П. Пугачевскому из Киева: «Вот мы из петербуржцев сделали киевлянами, и, зная Ваше доброе и тёплое чувство ко мне, я думаю, что Вы задаёте себе вопрос, хорошо ли мне в Киеве? Увы, нехорошо, добрейший мой Яков Павлович! Душит глушью и ничего близкого сердцу; но думаю, что для семьи моей будет лучше, чем где-нибудь, и вот почему я выбрал Киев. <...>

Приведёт ли Бог свидеться с Вами? Едва ли. Если бы дожилась до будущего лета и было бы силы ехать в Петербург.. но до будущего лета мне, как до звезды небесной, далеко. Во всяком случае поверьте, что Ваша добрая, честная, спокойная личность — одно из очень немногих, самых светлых впечатлений, вынесенных мною из жизни. <...>

Увидимся ли?.. Едва ли. Моя многоболезненная жизнь, кажется, уже иссякнута. Спешу как-нибудь пристроить семью на постоянном месте, ибо страшно и подумать, как беспомощны они остаются. Средства к жизни есть, но никакого умения распорядиться ими, а без этого умения и средств ненадолго хватит.

---

¹⁴⁴ Там же. — С. 213—217.

¹⁴⁵ Примечания к «Письмам К. Д. Ушинского и Н. С. Ушинской к Я. П. Пугачевскому» // *Ушинский К. Д. Собрание сочинений.* — Т. 11. — С. 218.

На днях мы высылаем в Петербург М-ше Мари, чтобы... одни вещи выслать сюда, а другие... продать, — и тем оканчиваются наши петербургские странствования, продолжавшиеся 21 год. Худ ли, хорош ли Питер, но я с ним сжился сердцем; в нём протекла самая существенная часть моей жизни: много прочувствовано и горя и радости, и много проработано; там я таскался без куска хлеба и там же составил состояние; там я напрасно искал места уездного учителя и там же беседовал с царями; там я был неведом ни одной душе и там приобрёл себе имя, надеюсь, честное, — и вот почему слеза навёртывается у меня на глаза, когда я вспоминаю Петербург и что, по всей вероятности, мне уже более не увидеть его.

Около половины октября, думаю, если будут силы, уехать в Крым и, если Бог даст мне возможность, продиктовать третий том моей „Антропологии“, который в материалах почти готов! Но едва ли станет сил у меня даже и на это. Впрочем, буду надеяться, ибо без надежды и жить невозможно»¹⁴⁶.

Последнее письмо Ушинского датировано 27 октября 1870 года. В нём он, в частности, писал своему другу: «Откладывая по своему обычаю свою поездку день за днём, я так опоздал, что в Крым едва ли уже можно и попасть, ибо пассажирское пароходство прекратилось, а на грузовом пароходе опасно простудиться. Да и, сказать откровенно, мне до такой степени опротивели все эти странствования и так тяжело было воображать себя вдали от семьи, отрезанным от неё бурным морем, по которому зимой плавать очень опасно, что я почти и рад, что опоздал и что теперь, если уеду, то не далее Одессы, от которой до Киева всего 24 часа пути по железной дороге. <...>

Зачем всё это так нелепо делается? Зачем, встретивши в жизни единственного, истинно честного и без всяких фокусов доброго человека, нельзя прожить с ним до конца; знать, что его честная рука закроет тебе глаза и прибережёт твоих детей, которых приятели разного рода, конечно, пустятся общипывать, что есть силы. <...>

С грустью вижу, что плохо придётся им, и не имею никого близкого, чтобы доверить их...»¹⁴⁷.

* * *

Путём служения Божьему делу и высшим идеалам совершил свой нравственный подвиг Константин Дмитриевич Ушинский — народный учитель, учёный-педагог, достойный высокого звания просветителя.

---

¹⁴⁶Письма К. Д. Ушинского и Н. С. Ушинской к Я. П. Пугачевскому. — С. 222–225.

¹⁴⁷Там же. — С. 226–228.

Одна из ранних записей в дневнике молодого Ушинского свидетельствует о том, как он сам видел свой жизненный путь. «В поте лица, в пыли презрения, под знойными лучами пекущего солнца, рискуя жизнью, бросать семена в землю, зная, что никогда не увидишь жатвы, и всё-таки работать до конца жизни... Труднейшая, бесславнейшая доля в массе трудов человечества — лучшая доля, величайшая доля!»

Памятник К. Д. Ушинскому возле главного корпуса Московского педагогического государственного университета. Открыт к 200-летию великого педагога 20 февраля 2023 года